

А.М. СУНГУРСКИЙ

ЧУЖОЙ ВЫКУП

А.М. Сунгурский

Чужой выкуп

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Чужой выкуп / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Похититель Денис Векшин приходит в ярославскую полицию с восемнадцатью миллионами рублей. Пока он забирал выкуп, кто-то убил его напарника и увёз обеих пленниц. Затем Денис получил фотографию своего подъезда и сообщение: «Деньги не твои». Теперь он боится стать следующей жертвой. Деньги уже у полиции, а женщины — в руках неизвестного убийцы. Следователь Лидия Зорина восстанавливает минувшую ночь по показаниям людей, которым есть что скрывать. Вера Лунёва просто выполняла заказ такси. Теперь она заперта рядом с женщиной, ради которой всё началось. У Веры нет телефона, и она не знает, где её держат. Чтобы вернуться к сыну, ей придётся заставить человека снаружи услышать её.

© Сунгурский А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Деньги принесли обратно	5
Глава 2. Подождать десять минут	11
Глава 3. Второй выход	16
Глава 4. Другая машина	21
Глава 5. За одну ночь	27
Глава 6. Вера Лунёва	32
Глава 7. Общий номер	37
Глава 8. Пятнадцать литров	42
Глава 9. Свои деньги	47
Конец ознакомительного фрагмента.	51

А.М. Сунгурский

Чужой выкуп

Глава 1. Деньги принесли обратно

Человек с сумкой не хотел садиться.

Дежурный дважды показал ему на скамью, потом отодвинул стул от своего стола, но посетитель остался у стены, прижимая локти к бокам. Сумка стояла между его ботинками. Обычная спортивная, из тех, с которыми ездят на два дня к родне: красный бок, чёрные ручки, белая нитка на месте оторванного значка. Одна ручка была мокрой.

— Поставьте её отдельно, — сказал дежурный. — И отойдите.

Человек посмотрел на сумку, словно услышал просьбу оставить ребёнка на вокзале.

— Я деньги принёс.

— Слышу. Отойдите от неё.

Он послушался, но сделал всего один шаг. Было начало восьмого, в высокое окно над входом уже попадало солнце. При этом его лицо оставалось таким серым, будто он всю ночь простоял под дождём. На подбородке темнела ссадина. Левая штанина у колена была покрыта пылью, правая — нет.

Лидия Зорина увидела всё это с порога. За десять минут до её приезда оперативный дежурный сообщил по телефону: пришёл мужчина, утверждает, что участвовал в похищении Невельской. При нём деньги. Называет вторую женщину.

С утра Лидия уже успела прочитать три объяснения и выругаться на человека, который прислал фотографии экрана вместо самих снимков. Она собиралась ехать к мужу Невельской: тот после ночной передачи выкупа перестал отвечать на звонки, а сестра пропавшей успела обвинить его и в похищении, и в неумении пользоваться телефоном. Теперь муж мог подождать.

Мужчина повернул голову на звук двери.

— Вы по Асе?

— Вы Денис Векшин?

Он кивнул. Лидия назвала себя и должность следователя Следственного комитета, показала удостоверение. Пока он смотрел на раскрытую книжку, она заметила, как у него дрожит нижняя губа. Он прикусил её и сразу отпустил, не выдержав боли.

— Мне надо с вами поговорить.

— Для этого я приехала.

— Только я не туда хочу. — Он показал глазами на дверь в глубине коридора. — Я сам пришёл. Они сказали, сейчас меня туда...

— Здесь есть правила. Сейчас проверят то, что у вас при себе, и оформят необходимые документы. Потом будем разговаривать.

Он резко втянул воздух.

— Вы не поняли. У меня их забрали.

Лидия остановилась возле стула, который предлагал ему дежурный.

— Кого?

— Обоих. Пока я за деньгами ездил. Рому убили, а их забрали. Я ему сумку поднимаю: «Всё привёз». Стою, отчитываюсь. Он уже мёртвый, а я ему про деньги.

Дежурный поднял на Лидию глаза. Она вытатила блокнот.

— Назовите место.

Векшин назвал улицу, затем начал объяснять, что за последним шиномонтажом надо свернуть, но не в первые ворота, а проехать вдоль бетонного забора. Лидия попросила остановиться. Он испугался, что ему не верят, и заговорил быстрее.

— Там над дверью фанера. На ней было написано «Ремонт», только «ре» отвалилось. Я не знаю номера. Мне Рома показал. Через железнодорожные пути не надо, до них направо. Там ещё собака, рыжая, у сторожа, но сторож не наш.

— Кто сдаёт это помещение?

— Аркадий Суханов. Рома у него брал. Только он туда не ходил. Ну, при мне.

Она записала название улицы, обозначила поворот и передала лист дежурному. Тот уже звонил. Лидия осталась перед Векшиным, не задавая следующего вопроса, пока он не перестал оглядываться на дверь.

— Сейчас туда поедут. Люди проверят и помещение, и то, что вокруг. Вы видели, как женщин увозили?

— Нет.

— Слышали их?

— Нет. Там тихо было. Совсем. А дверь... Внутренняя была открыта.

— Вы заходили внутрь?

Он опустил глаза.

— Я Рому увидел.

— Где стояли, когда увидели?

— У ворот. Ну, уже за воротами.

— Денис, мне надо понять, могли ли женщины оставаться там. Не во всём здании сразу, а в тех комнатах, куда вы не заглянули.

Он провёл рукой по лицу, задел ссадину и поморщился.

— В ту комнату заглянул. Их нет. Шнур на полу валяется, которым... — Он оборвал себя. — Им двери изнутри не открыть было. Я оставлял их там. Вечером.

Лидия знала имена обеих. Ася Невельская, тридцать шесть лет, приехала из Рыбинска на деловую встречу; Вера Лунёва, сорок восемь, водительница. Вчера в девять вечера муж Аси наконец сообщил о требовании денег. О Вере они узнали позже, когда проверяли заказ машины. В объяснении мужа была фраза «водителя они вроде бы отпустили». От кого именно он её услышал, до сих пор не выяснили.

— У одной фамилия Невельская. Вторую как зовут?

— Вера.

— Откуда вы знаете?

— Ася её так звала.

Лидия перевернула страницу. Мужчина всмотрелся в её лицо; видимо, искал там признак того, что главную часть разговора уже прошёл.

— Денег восемнадцать, — сказал он. — Всё здесь. Я не вынимал. Ручка мокрая, потому что в канаву упала. Не деньги, сумка. Я потом на сиденье её... Если кто-то скажет, что меньше, пусть при мне считают. Я всё отдал.

— Деньги пересчитают и оформят. Сейчас не трогайте сумку.

— Я не трогаю. Я же сам её сюда принёс.

Она снова услышала это «сам» и отложила ручку.

— Вы пришли добровольно. Это будет записано. Но сейчас мы не можем договориться, что вы отдали сумку и ушли. Вы понимаете?

Он долго смотрел на неё, потом отвернулся к окну.

— Мне и некуда уходить.

За дверью зазвонил телефон. В коридор вошёл сотрудник с папкой; Лидия отошла с ним на несколько шагов и попросила немедленно предупредить группу. Неизвестный, возможно

вооружённый человек. Две женщины. В здании может находиться раненый, а не погибший. Векшин назвал его Романом Климовым.

— Выходы знаете? — спросил сотрудник.

— Пока только с его слов. Пусть не принимают за план помещения. Я сейчас уточню.

Векшин стоял на прежнем месте. Он слышал имя Романа и смотрел на сумку так, будто теперь ему следовало забрать её и всё отменить.

* * *

Через сорок минут красная сумка оказалась на большом столе. С ней работали другие люди, и Векшин больше не мог держать её между ботинками. Ему дали воду; он выпил половину, остальное разлил, когда ставил стакан. Сначала потянулся вытереть рукавом, затем оставшись, спросил, можно ли.

Лидия подумала, что вчера эти же руки связывали двух женщин. Мысль возникла без её воли и придала простому вопросу про воду почти невыносимую нелепость. Она попросила принести салфетки.

Разговаривать о подробностях они продолжили уже с защитником. Евгений Лапшин приехал быстро, в куртке, застёгнутой не на ту кнопку, и сразу попросил время поговорить с Векшиным наедине. Лидия вышла в коридор.

Здесь пахло нагретой пылью и дешёвым кофе. У окна Андрей Титов заканчивал телефонный разговор. Увидев её, сказал собеседнику: «Да, передам», — и убрал аппарат.

— Адрес нашли. Машина Климова внутри. Человек возле неё. Медики уже там.

— Женщины?

— Пока не обнаружили. Осматривают дальше. По соседним помещениям работают отдельно.

— Он действительно умер?

Титов кивнул.

Лидия посмотрела в окно. Через дорогу мужчина в рабочей куртке ел пирожок, придерживая под ним пакет, и терпеливо ждал, пока собака закончит нюхать дерево. Вчера в это время Вера Лунёва ещё могла ехать с открытым окном, ругаться на чей-то поворот, думать про обед.

— По второму выходу?

— Есть. Со двора. Он про него сказал?

— Ещё нет.

— И ворота с той стороны открыты. Следы машин есть, но сейчас тебе никто не скажет, какому из них сколько лет. Там не пол в операционной.

— Фамилию Суханов проверь. Векшин сказал, Рома снимал у Аркадия. Мог назвать хозяина, мог посредника.

— Уже пошло.

Андрей остался стоять рядом. С утра на нём была чистая рубашка, теперь на рукаве появился след кофе. Он заметил, куда она смотрит.

— Крышка не держалась.

Лидия кивнула, хотя он не был обязан объяснять ей пятно.

— Невельскому звонил?

— Нашёлся. Телефон в машине оставил, сам в аптеку ходил. Давление у него. Сестра жены сейчас с ним. Она разговаривает за двоих и утверждает, что вчера вообще ничего не знала.

— А знала?

— По первому разговору — знала, но не всё. Остальное надо спрашивать у неё, а не у меня.

Из комнаты вышел Лапшин. Перестегнул наконец куртку и убрал её на сгиб локтя.

— Он будет говорить о месте и о том, что видел ночью. По остальному сначала разберёмся, что именно вы ему вменяете и какие документы оформлены.

— О месте мы уже говорим, — ответила Лидия. — Теперь важно время. И человек, который мог туда приехать.

Адвокат посмотрел на Титова, затем снова на неё.

— Он боится. Это не просьба его пожалеть. Просто если зададите пять вопросов подряд, получите согласие со всеми пятью.

Лидия открыла дверь.

* * *

Векшин сидел, положив руки на колени. На столе перед ним остались салфетки, скомканные в тугой шарик. Когда ему сообщили о смерти Климова, он кивнул так быстро, будто ждал подтверждения другому: теперь никто не скажет, что Роман ушёл сам.

— Я часов не смотрел, когда обратно приехал. В машине можно посмотреть. Ну, не часы, а там поездка...

— Какая машина?

— Моя. Серая. Я на соседней улице оставил. Ключи у вас.

Лидия попросила описать путь от места получения денег до мастерской. Он начал с поворота у магазина, сбился, вернулся к дороге, по которой ехал раньше. Несколько раз заменял «я» на «мы», хотя утверждал, что ездил один. Лапшин не перебивал, лишь однажды уточнил, о какой поездке сейчас идёт речь.

Когда рассказ дошёл до ворот, Векшин сжал пальцами ткань брюк.

— Свет был включён. У Ромы возле машины переноска лежала. Я сначала на неё наступил, она покатила. Он у колеса, боком.

Векшин замолчал.

— Вы подошли?

— Да.

— Трогали его?

Пауза стала длиннее предыдущих. За окном проехала машина с громкой музыкой, и несколько тактов глупой, весёлой песни проникли в комнату.

— За плечо. Хотел повернуть. Потом бросил.

— У входа вы сказали, что увидели его от ворот.

— Я увидел от ворот. Потом подошёл. Я не говорил, что не подошёл.

Векшин впервые поднял на неё злой взгляд. Лидия выдержала его и попросила продолжать.

В комнате, где держали женщин, остались два стула. Один стоял, другой был опрокинут. На полу — шнур. Верхняя форточка закрыта. Денис проверил за занавеской, где они поставили умывальник и ведро, хотя знал, что спрятаться там вдвоём невозможно.

— Звал их?

— Тихо. Сначала Асю. Потом эту... Веру. Никто не ответил.

— Почему тихо?

Он посмотрел на Лапшина, но тот не подсказал.

— Потому что ещё кто-то мог быть. Там же Рома лежит.

— Куда вы пошли после этого?

— В машину.

— Сразу?

— Сумку взял. Я её у ворот поставил. Забрал и уехал.

— Почему приехали сюда только утром?

Векшин вытер ладони о колени.

— Я думал, что делать.

Его голос стал спокойнее, и именно теперь Лидия поверила, что он начал говорить о том, чего действительно боялся. Пока он описывал тело, страх был направлен назад, в уже случившееся. На вопросе об утре он словно увидел это снова перед собой.

— Где думали?

Он назвал стоянку. Там он переложил сумку с сиденья в ноги: она была видна с улицы. Взяться за ручку ещё мог, выйти с ней из машины — уже нет. Вспомнил, что Рома знал его адрес, и продолжал сидеть за рулём.

— Потом сообщение пришло, — произнёс он. — С Роминого телефона.

Лидия не потянулась к собственному аппарату. Дождалась, пока Векшин назовёт время, а Лапшин попросит уточнить, помнит ли он его точно.

— На экране было. Без десяти семь. Или без одиннадцати. Там написали, что я забрал чужое.

— Дословно помните?

— «Деньги не твои». Потом ещё: «Решай, куда теперь ехать». И фотография моего подъезда. С улицы. Не знаю, сегодняшняя или раньше.

Адвокат наклонился к нему и негромко сказал что-то, чего Лидия не расслышала. Векшин кивнул.

— Телефон я отдал. Там всё есть. Я не стирал.

Лидия записала время и попросила передать ей изъятый телефон, когда закончат оформление. Векшин следил за её ручкой.

— Кто знал про мастерскую?

— Мы с Ромой.

— Хозяин помещения.

— Он не знал, зачем.

— Кто ещё мог приехать туда ночью?

Векшин открыл рот и закрыл. Лапшин повернулся к нему всем корпусом.

— Денис, если сейчас есть сведения, которые могут помочь найти женщин, их надо сообщить точно.

— Рома говорил, машину даст человек. Чтобы их отвезти, когда деньги получим. Я сказал, сами справимся, зачем ещё кого-то... Он сказал, мне всё знать не обязательно.

Лидия подняла голову.

— Когда он это сказал?

— Вчера. Перед тем, как я поехал.

— Фамилию называл?

Векшин покачал головой.

— Я думал, он просто долю ещё кому-то обещал. У него всегда так: сперва двое, потом выясняется, что ещё надо рассчитаться с кем-нибудь. Я ему сказал, из своей отдавай. Из своей пусть отдаёт.

Последние слова он повторил тише, словно только теперь услышал, на чём закончился его спор с Романом.

Титов приоткрыл дверь и попросил Лидию выйти. В коридоре у него в руке был телефон, но показать он ничего не торопился.

— Невельский получил сообщение. Новое.

— Когда?

— Только что. Просили дать им самим прочесть, без пересказа. Сейчас передаст.

На экране появилась пересланная фотография телефона, и Лидия на секунду закрыла глаза: опять. Потом увидела текст.

«Деньги получили. Условия изменились».

Ниже стояло второе сообщение. На этот раз без суммы и без угрозы.

«Ждите».

За дверью Векшин спрашивал у защитника, куда его повезут. Кто-то в соседнем кабинете уточнял, хватит ли пакетов для оформления денег. Деньги уже лежали на столе, рядом работали люди, от которых зависела сохранность каждой пачки.

Лидия вернула телефон Титову.

— Пусть сохранит всё как есть. Предупреди, что после мастерской приедем к нему.

Она ещё не знала, кто написал эти два сообщения. Но тот, кто их отправил, рассчитывал получить выкуп за людей, за которых уже заплатили.

Глава 2. Подождать десять минут

В четверг, четырнадцатого мая, Вера купила две слойки с сыром и успела съесть одну. Вторую положила в дверной карман, поверх пачки влажных салфеток. Слойка ещё была тёплой; до конца дня бумажный пакет должен был пропитаться маслом, и Вера заранее знала, как будет сердиться на себя, когда полезет туда за сдачей.

Заказ пришёл, пока она допивала чай из термоса. Женщина просила забрать её возле делового центра и отвезти на окраину Ярославля. В примечании стояло: «Возможно ожидание». Вера приняла заказ. До вечера она собиралась работать, потом отвезти Мите старый набор инструментов. Сын говорил, что в мастерской всё есть. Вера говорила, что её набор дома тоже ни к чему, и на этом спор заканчивался: оба понимали, кому здесь важнее передача инструментов.

Пассажирка вышла без верхней одежды, держа на сгибе локтя светлую кофту. Тёмные волосы, низкие туфли, большая сумка, на которую всё время съезжал ремень. Она посмотрела номер машины, заглянула внутрь и лишь после этого открыла заднюю дверь.

— Вера? Добрый день. Я Ася. Мне сказали, там въезд не с главной дороги. Я объясню ближе.

— Как скажешь, — ответила Вера. — Только заранее. У меня машина боком не умеет.

Ася улыбнулась, хотя уже смотрела в телефон. Улыбка была усталая, оставленная Вере из вежливости. Она пристегнулась и начала разговор с человеком по имени Олег. Сначала сказала, что всё посмотрит и поедет обратно. Потом несколько раз повторила: «Это образец, а не договор». На третьем повторе голос изменился, сделался сухим. Вера прибавила обдув, чтобы не слушать.

На первом светофоре Ася закончила звонок.

— У вас не жарко?

— Мне нормально. Тебе открыть?

— Нет, спасибо. Я просто... — Она положила телефон экраном вниз. — После этого адреса надо будет ещё одну машину искать?

— Смотря сколько ждать.

— Десять минут. Если всё нормально, максимум пятнадцать.

Вера посмотрела на неё в зеркало.

— Это самое опасное время. Десять минут бывают и десять, и час сорок.

— Я сама не люблю опаздывать.

— Так никто не любит. У всех получается.

На этот раз Ася рассмеялась по-настоящему. Сняла кофту с локтя, уложила рядом, придерживала сумку на повороте. Вере понравилось, что она не начала рассказывать, как правильно ехать. Такие пассажиры попадались часто: сначала выбирали самую дешёвую поездку, потом получали к ней автомобильного ученика.

Они свернули с оживлённой улицы, проехали мимо шиномонтажа, где молодой парень катал перед собой сразу два колеса. Дальше дорога сузилась между заборами. Справа стояли ворота из разноцветных металлических листов; над одними виднелась вывеска с отвалившимся началом слова. Ася выпрямилась.

— Кажется, здесь. Он писал: серые ворота после шиномонтажа.

— Эти синие.

— Следующие, наверное. Сейчас позвоню.

Она набрала номер. Вера медленно катилась по неровному проезду. Не хотелось вставать посередине: за ними уже поворачивал белый фургон. Ася сказала в трубку, что подъехала, и опустила стекло.

Из калитки вышел мужчина в тёмной рабочей куртке. Одной рукой он держал телефон, другой помахал. Лицо было обычное, раздражённое неудобством встречи; увидев женщину в машине, он коротко кивнул. Вера остановилась так, чтобы у пассажирки оставалось место открыть дверь.

— Здесь ждать? — спросила она.

— Да, пожалуйста. Я быстро.

— По счётчику.

— Конечно.

Ася забрала сумку и кофту, вышла. Мужчина придержал калитку. За ней на миг открылся двор: под навесом стояла легковая машина, на земле лежал чёрный шланг, у стены громоздились доски. Вера достала из кармана вторую слойку.

Калитка ещё не успела закрыться, когда Ася отпрянула назад.

Это движение можно было принять за обычную неловкость: зацепилась сумкой, увидела лужу. Потом мужчина схватил её выше локтя и с силой потянул внутрь. Кофта упала на порог. Ася сказала: «Вы что делаете?» — отчётливо, с тем удивлением, с каким требуют объяснить чужую грубость.

Вера положила слойку на сиденье. Опустила стекло.

— Эй! Руки убери.

Мужчина повернулся к машине, не выпуская Асю. Его лицо изменилось раньше, чем Вера поняла, что видит. В калитке появился второй, помоложе. Он взял Асю за другую руку. Та рванулась, ударила плечом о край створки и крикнула.

Вера нажала на клаксон.

Она потом много раз возвращалась к этому мгновению: могла поднять стекло, тронуться, набрать полицию. В тот момент за капотом уже стоял младший, и Вера боялась наехать на человека, который шёл к ней. Станный, привычный страх — повредить кого-нибудь машиной — оказался быстрее понимания того, зачем он подходит.

Она отпустила гудок, схватила телефон с держателя. Младший дёрнул водительскую дверь. Вера успела нажать блокировку, но дверь уже открылась. Он ударил её предплечьем по руке; телефон стукнулся о порог и выпал наружу.

— Выходи.

Вера вцепилась в руль. Тогда он потянул её за волосы у затылка. Боль отозвалась в глазах, ноги сами упёрлись в педали. Мотор взревел. Он отпрянул, и Вера на секунду поверила, что сейчас захлопнет дверь, но ремень держал её поперёк груди, а его рука снова оказалась у лица.

— Сама выйди, хуже будет.

Он наклонился, нажал красную кнопку замка. Вера толкнула его плечом, крикнула так громко, как могла. Во дворе тоже кричала Ася. Старший прикрикнул на младшего:

— Денис, машину убери!

Младший ударил Веру в бок кулаком. Воздух кончился. Она оказалась снаружи, коленом на гравии, с рукой под чужим ботинком. Денис поднял её рывком и повёл к калитке. Вера видела перед собой свою открытую дверь и слойку на сиденье. До смешного близко; меньше пяти шагов.

Ася стояла у стены, прижимая локоть к груди. Старший держал её за шею сзади. Когда он перехватил Веру, Ася попробовала шагнуть к калитке, но остановилась перед предметом, который появился у него в руке. Короткий чёрный ствол смотрел ей в живот.

— Внутри обе.

Вера подняла ладони. Денис пробежал мимо них к её машине. Через несколько секунд мотор стал тише, автомобиль въехал во двор. Она успела увидеть белый фургон в проезде: тот медленно сдавал назад, водитель смотрел в зеркала. Вера набрала воздух для крика, но старший прижал ствол к её щеке.

Холод коснулся кожи возле уха.
— Попробуй.
Она услышала, как закрылись ворота.

* * *

Комната за мастерской была похожа на место, в котором люди когда-то обедали и переодевались. Под потолком темнело окошко. Два стула, продавленный матрас у стены, умывальник за занавеской. Под ним стояло ведро. Вера заметила всё сразу, жадно, будто среди этих вещей могла оказаться открытая дверь.

Старший велел им сесть. Ася попыталась спросить, сколько ему нужно. Он толкнул её на стул, раскрыл сумку и высыпал содержимое на стол возле входа. Кошелёк, очки в футляре, связка ключей. Телефон он поднял отдельно, посмотрел на экран.

— Разблокируй.
— У меня там...

Он взял её за больную руку. Ася вскрикнула и назвала цифры. Вера отвернулась: страшнее всего было смотреть, как человек сам предлагает ему то, чего он ещё не потребовал.

Верину сумку Денис принёс вместе с телефоном. Экран треснул в нижнем углу, но светился. На нём было уведомление от Мити. Вера увидела первые два слова: «Мам, только...» Потом старший положил аппарат рядом с Асиным.

— У меня деньги в машине, — сказала она. — Возьми. Я уеду. Вообще вас не видела.
Старший даже не обернулся.
— Поздно тебе уезжать.

Денис стоял у двери и тяжело дышал. Вера подумала, что он тоже испугался. От этого стало хуже: испуганный человек с её волосами в кулаке уже показал, на что способен.

— Я её первый раз сегодня везу, — сказала Вера. — Она заказала машину. Я водитель. Посмотри в телефоне.

— Рома, правда, что с ней-то... — начал Денис.
— Верни кофту, — ответил старший. — На земле осталась.

Денис вышел. Вера запомнила имя Рома и сразу захотела его забыть. На лице старшего не было маски. Он позволил им видеть себя, услышать имя. Это казалось ответом на вопрос, который она ещё не решалась задать.

Когда Денис вернулся, он бросил кофту Асе на колени. Потом достал белый шнур. Вера выставила перед собой руки.

— Не надо за спиной. У меня плечо.

Плечо у неё было здоровое. Болел бок, содранная ладонь и место на затылке. Она сказала первое, что могло оставить руки перед собой, потому что иначе не представляла даже, как сесть на матрас. Денис посмотрел на Рому. Тот кивнул.

Шнур затянули вокруг кистей. Вера попробовала оставить между ними палец, но Денис заметил и сжал её запястья. Кожа сразу начала гореть. Асе связали руки так же; она молчала, губы стали белыми.

Перед уходом Рома взял со стола оба телефона. Положил в прозрачный пакет, который достал из ящика. Вера проводила пакет глазами до двери. Её телефон оказался сверху, экраном наружу. Митино сообщение погасло.

— Там сын, — сказала она. — Дайте написать, что живая.
Рома остановился.
— Сиди тихо. Будешь живая.
Дверь закрылась.

Вера долго держала голову ровно. Ей казалось, если опустить подбородок, вырвет. Ася рядом дышала часто, с коротким свистом. Потом спросила:

— Вы сможете встать?

— На «ты» давай. Я могу встать. Зачем?

— У вас кровь.

Вера посмотрела на руки. У основания большого пальца темнела грязная полоса. Она провела ладонью по брюкам, и боль наконец дошла до сознания. Потянуло и под рёбрами.

Ася поднялась, придерживая связанными руками кофту. Дошла до умывальника, попробовала повернуть кран. Вода пошла тонкой струёй. Она подставила рукав, вернулась к Вере и опустила перед ней на корточки.

— Дай.

— Испачкаешь.

— Уже испачкала.

Светлая ткань была в земле с порога. Ася выбрала чистое место, осторожно приложила к ладони. Вера позволила, хотя страшно хотелось отдёргнуть руку: это движение означало, что они уже обживаются здесь, находят воду, лечат ссадины. Она ещё собиралась встать, выйти, забрать телефон. Всё случилось слишком быстро, чтобы успеть отменить обычный день.

— Ты их знаешь? — спросила она.

Ася покачала головой.

— Мне предложили посмотреть партию машин. Промышленных, для прачечной. Мы через человека договаривались. Я думала, здесь склад.

— Через какого человека?

— Я тебе покажу... — Ася замолчала, посмотрела на пустой стол. — У меня переписка. Она перестала промокать ладонь. Вера забрала рукав, прижала сама.

— Меня Вера Лунёва зовут. В заказе только имя было.

— Ася Невельская.

— Ася — это Анастасия?

— Нет. Так и есть Ася. Мама потом жалела, что коротко. Когда ругаться, развёрнутого имени не хватало.

Вера невольно улыбнулась. На секунду перед ней оказалась женщина, которую можно было бы снова везти в машине; та рассказала бы ещё что-нибудь про маму, приехали бы, расплатились. Вера подняла мокрый рукав к лицу и закрыла глаза.

Ася села рядом на матрас. Стулья они больше не заняли. Снаружи разговаривали, хлопала дверца автомобиля. Один раз прозвучало имя Денис. Потом что-то покатилося по бетону и мужчина выругался. Обычные звуки мастерской были такими живыми, что Вера почти поверила: сейчас сюда войдёт посторонний, спросит ключ на семнадцать и увидит их.

Никто не вошёл до вечера.

* * *

Рома принёс бутылку воды и две коробки дешёвой лапши, уже залитой кипятком. Вера почувствовала запах приправы и впервые после захвата поняла, как голодна. Руки затекли. Он разрезал шнур на них, бросил концы на пол и встал в дверях, пока они ели.

Ася держала вилку левой рукой. Правую поднять высоко ей было трудно. Вера пододвинула к ней коробку, хотя хотелось сказать, что смотреть незнакомые машины без сопровождающего было безумием. Она удержалась. Ничего полезного от этих слов не случилось бы, а сказать их можно было так больно, что женщине напротив некуда стало бы деваться.

— Муж соберёт, — произнесла Ася. — Если сумма реальная. Вы мне скажите, я объясню ему.

Рома достал другой телефон. Небольшой, в чёрном чехле. Вериных трещин на нём не было, Асиного красного чехла — тоже.

— Объяснишь. Как скажу.

Он назвал сумму. Восемнадцать миллионов.

Вера перестала жевать. Она знала цену бензина, шин, холодильника, который в прошлом году пришлось брать в рассрочку. Чужие восемнадцать миллионов не укладывались в одну мысль. Ася положила вилку.

— У нас нет таких свободных денег.

— Значит, несвободные возьмёте.

Он велел ей говорить коротко. Что жива, что надо исполнить требования, что в полицию нельзя. Ася попросила отпустить водительницу. Рома посмотрел на Веру, затем обратно на Асю.

— Ты сейчас про себя говори.

Вера отвела глаза первой. Ей было стыдно от того, как сильно она ждала продолжения. Ещё одной просьбы, ещё одного довода. Ася потянулась к телефону обеими руками, словно собиралась согреть его.

Рома включил вызов и держал аппарат сам.

Когда Ася сказала «Олег», у неё сломался голос. Дальше она всё-таки произнесла приготовленные слова. Про деньги, про полицию. На вопрос, где она, ответить не успела: Рома убрал телефон. Вера слышала мужской голос ещё секунду, очень далёкий и сердитый, и захотела, чтобы он продолжал говорить. Любые слова. Только бы голос снаружи оставался с ними.

После звонка Денис снова связал им кисти. Теперь перед этим позволил сходить за занавеску. Он стоял у двери, глядя в сторону, и Вера ненавидела эту запоздалую стыдливость сильнее, чем его кулак у машины.

— Потерпи до утра, — сказал он, когда затягивал шнур. — Всё нормально будет.

— Ты меня ударил, — ответила Вера.

Денис поднял на неё глаза.

— Ты сама дёргалась.

Она посмотрела на его пальцы. Он ещё секунду держал шнур, затем отпустил и вышел. Дверь заперли.

Вера устроилась на матрасе боком, чтобы меньше тянуло рёбра. Ася сидела рядом, упираясь затылком в стену. В высоком окне медленно серел свет.

— Мой муж найдёт деньги, — сказала она.

Вера кивнула. Ей хотелось спросить, уверена ли Ася, что её муж заплатит и за чужую женщину. Вместо этого она попросила помочь снять куртку. Одной связанной парой рук ничего не получалось; вдвоём они смогли стянуть её до локтей и накрыть ноги.

— Завтра сын будет ругаться, — сказала Вера.

— За что?

— За инструменты. Я ему везти собиралась. Он просил не тащить хлам, а я всё равно собрала.

Ася осторожно поправила куртку над её коленом.

— Может, он теперь не будет ругаться.

— Пусть ругается. У него получается смешно.

Вера закрыла глаза. Она представила Митю у открытого ящика, его поднятую бровь, грязный большой палец на ручке отвёртки. Представила так подробно, что на несколько секунд почувствовала запах его мастерской. Потом за дверью передвинули тяжёлый предмет, и чужая мастерская вернулась.

Глава 3. Второй выход

Буквы «монт» висели над дверью криво. Лидия, выходя из машины, увидела под оторванным краем фанеры проржавевший гвоздь и старый потёк.

У ворот стояли двое полицейских. Один держал бутылку воды, но не пил: рыжая собака за соседним забором следила за каждым движением бутылки и тихо поскуливала. Оперуполномоченный уголовного розыска Андрей Титов пошёл к полицейским. Лидия задержалась возле проезда, чтобы надеть бахилы, и дождалась специалиста, который показал, где уже осмотрели землю.

Внутри пахло холодным железом и чем-то сладким, испорченным. Работал переносной свет. Луч бил в стену, отражался от белого пятна старой краски и освещал нижнюю половину автомобиля. Верх оставался в тени.

Роман Климов лежал возле колеса.

Лидия остановилась там, где велели. От ворот был виден бок автомобиля и человек на полу. Она попыталась представить Векшина с поднятой сумкой: он ждал, что Климов встанет и подойдёт к деньгам. Теперь его слова звучали страшнее, чем в отделе. Голова погибшего находилась сбоку от кузова, ничем не закрытая. Правая кисть была вытянута ладонью вверх.

— Положение до нашего приезда могло меняться? — спросила она.

— По его словам, трогал за плечо, — ответил Титов. — Уточним, какое.

Он не смотрел на мёртвого. Листал записи в телефоне, проверяя, что именно услышал утром, и Лидия была ему за это благодарна: сейчас ей не хотелось второго человека, тоже достраивающего картину.

Судебный медик поднялся с колена. Лидия дождалась, пока он снимет перчатку и поправит очки. Он назвал видимую рану в области грудной клетки, затем сразу отделил её от того, что мог установить только после исследования.

— Приблизительно когда?

Он посмотрел на неё без раздражения, скорее с усталостью.

— Ночью или утром. Сейчас более узко не скажу так, чтобы вы могли на это опираться.

Лидия кивнула. Специалист показал гильзу у ножки верстака. Она лежала отдельно от тёмных пятен на полу, рядом уже поставили номерок. Под верстаком оставались щели; Лидия попросила осмотреть их тоже.

У дальней стены стоял второй автомобиль. Титов указал на него.

— Машина водительницы. Регистрацию сопоставили. Саму Веру ищут отдельно от Невельской, ориентировка дополнена.

Внутри автомобиля на пассажирском сиденье лежал скомканный бумажный пакет. Под ним виднелся угол какой-то упаковки. На панели остался держатель телефона, пустой, повернутый к водительскому месту. Лидия представила женщину, которая утром поправляет этот держатель, кладёт рядом что-нибудь на обед, решает, хватит ли бензина до вечера. Тело у колеса превращало всё вокруг в место убийства. Автомобиль упрямо оставался местом работы другого человека.

— Двигали после приезда?

— Нет.

— Пока не двигать. Сначала салон и всё под ним.

Титов убрал телефон.

— Нашего добровольца уже оформили. Времена я тебе отправил. Лапшин там, следующий допрос согласуют с ним. Начальник просил позвонить, когда закончишь здесь.

— Позвоню раньше. Мне нужны люди на семью и на перевозчиков одновременно.

— Перевозчик пока один, которого никто не видел.

— Именно поэтому не хочу искать его только по Денисову описанию.
Титов потёр пальцем след от очков у переносицы.
— Он и описания не дал.
Лидия посмотрела на дверь в глубине мастерской.
— Пойдём.

* * *

Дверь была деревянной, обитой со стороны мастерской листом металла. Ключ торчал в замке снаружи. Лидия не стала его касаться. Попросила снять отдельно положение ключа и язычка, затем подошла к порогу.

Комната оказалась меньше, чем в её утреннем рисунке.

Матрас у стены, два стула. Один стоял, второй лежал на боку. Под опрокинутым белел шнур. Ещё один короткий кусок оказался у порога, где его почти закрывала дверная створка. Небольшое окно под потолком было мутным; через него не видно ни двора, ни дороги. На стене, куда доставало солнце, остался прямоугольник от давно снятого шкафа.

Лидия не входила, пока специалист не закончил ближнюю часть пола. За спиной Титов кому-то объяснял по телефону, что нужно проверять не только больницы Ярославля. Он повторил обе фамилии, потом назвал возраст Веры — сорок восемь — и попросил не заменять её в записи словами «вторая женщина».

Возле стоящего стула на стене виднелся свежий серый мазок. Такой мог оставить каблук, подошва, конец металлической трубы. Лидия присела на разрешённом участке, чтобы увидеть низ ножек. На одной белые волокна держались за заусенец старого лака. Она позвала специалиста.

— Это то, чем связывали?

— Сравним.

— Снимите сначала в таком положении.

Титов вошёл следом, остановился у порога.

— Что?

— Денис утром сказал: «Им двери изнутри не открыть было». Я спросила про выходы, он ответил про дверь. А стулья не объяснил.

— Их могли к стульям привязать.

— Могли. Хочу услышать от него, как именно.

За тонкой занавеской стояли ведро и умывальник. На полу под ним была старая растрескавшаяся плитка, несколько квадратов отсутствовали. Здесь ничего не нашли. Лидия уже вернулась в мастерскую, когда специалист позвал её к верстаку. На верхней полке, за коробкой с резиновыми прокладками, блеснул прозрачный пакет.

В нём лежали два телефона.

Один в красном чехле, второй с трещиной поперёк стекла. Ни один экран не светился. Специалист сфотографировал пакет на месте, отодвинул коробку и осторожно достал его. Лидия отошла, оставив ему пространство.

— Вот и номера, которые семья всю ночь вызывает, — негромко сказал Титов.

— Сначала установим, что это их аппараты.

— Установим.

Он произнёс это чуть резче, чем следовало, и Лидия не стала поправлять его ещё раз. Ночь была у обоих короткой. Обычную рабочую догадку Андрей не собирался подшивать вместо заключения.

Её больше беспокоило другое: человек, забравший женщин, не стал искать их телефоны. Не видел пакета, не посчитал нужным, торопился — причин было несколько. При этом семье

писали с прежнего номера. Если тот аппарат действительно был у Климова, неизвестный взял то, что позволило продолжить вымогательство, и оставил то, с помощью чего женщины могли бы связаться с домом.

— У Романа нашли телефон?

— Личный при нём. Осмотр ещё идёт.

— А чёрный, с которого семье звонили?

— Денис описывает чёрный. Здесь пока второго не нашли.

Лидия посмотрела на низкий ящик возле переноски. На пыльной крышке осталось круглое пятно от кружки, рядом виднелось продолговатое чистое место.

От машины Климова донёсся голос. У погибшего при осмотре вещей нашли водительское удостоверение, несколько чеков и визитную карточку. Название диспетчерской было напечатано синим, ниже — грузоперевозки по области, номер телефона, часы работы. «Рейс».

Лидия попросила показать карточку, когда её снимут и опишут. Обратная сторона оказалась чистой.

— Позвонить им? — спросил Титов.

— Узнать, работают ли с Климовым, и сохранить то, что есть по заказам. Разговор запиши себе подробно. Я дам поручение. С самими людьми поговорим потом.

— Сегодня?

Лидия посмотрела на время. Нужно было выехать в Рыбинск, увидеть мужа, сестру, оригиналы сообщений, восстановить передачу денег. Она могла оставить Андрея здесь, но тогда семья досталась бы ей одной, а у неё уже было ощущение, что два человека там рассказывают разные ночи.

— Сначала свяжись. Если окажется срочное — меняем маршрут.

Он вышел звонить.

* * *

Задний выход открывался в тесный двор. У одной стены стояла высокая стопка досок, у другой — ржавый контейнер, не оставлявший места для разворота. Воротами во двор можно было въехать с бокового проезда. Сейчас одну створку держал камень; вторая упиралась в загнутый кусок проволоки.

Утром всё это показалось бы Лидии незначительным хозяйственным беспорядком. Теперь она пыталась представить человека, выводящего двух связанных женщин. Ему нужно открыть дверь, удержать их, провести к машине. Если они пойдут в разные стороны — кого он выберет? Есть ли второй человек, о котором никто пока не знает?

Она не стала отвечать себе сразу. Прошла вдоль разрешённой полосы, остановилась возле ворот. Отсюда комнату не видно. Выходивший первым оказывался на несколько секунд за стеной, отдельно от оставшейся женщины. Короткое расстояние, но удерживать обеих здесь одним голосом было трудно.

— Они могли быть уже связаны, — сказал специалист, заметив, куда она смотрит.

— Могли. Или он держал оружие. Или был не один.

— Следы шин есть, но тут ездили до сегодняшней ночи. Пока не скажу, какие последние.

Лидия кивнула. Земля возле ворот была продавлена в нескольких направлениях. На сухом участке рисунок распадался, дальше снова проступал.

На соседней площадке спорили с полицейским. Мужчина в расстёгнутой спецовке требовал пропустить его за инструментом. Лидия подошла ближе и услышала:

— Я здесь пятнадцать лет. Они неделю назад привезли своё, а я крайний? У меня человек на подъёмнике!

— Кто привёз? — спросила она.

Мужчина резко обернулся.

— Да этот... Хозяина спросите.

— Аркадия Суханова?

Он сразу стал спокойнее.

— Ну.

Лидия попросила его назвать себя и объяснить, что именно он видел. «Они привезли своё» превратилось в менее определённое: он видел открытые ворота, автомобиль и двух мужчин со спины. В какой день — после выходных, но календаря не смотрел. Что привозили — не знает. Романа знал по имени, потому что тот занимал у него удлинитель. Второго по фотографии Дениса не узнавал уверенно.

— А женщины?

— Какие женщины?

Он посмотрел мимо неё в открытый проезд. Теперь до него, кажется, дошло, что ограждение поставили не из-за хозяйственного спора.

— Мне бы мой инструмент, — повторил он, уже тише.

Лидия позвала сотрудника, попросила записать человека и позднее разобраться с доступом в соседний бокс. Не обещала пустить его через десять минут. Тот хотел спорить, но вместо этого сел на перевёрнутое ведро за ограждением и стал звонить клиенту.

Отдельно она поручила пройти шиномонтаж и соседние ворота: кто работал здесь вчера днём, что слышал, какие машины въезжали. Нужно было искать не только свидетелей ночного выстрела.

Титов вернулся с телефоном в руке.

— Галина Рудина. Сказала, Климова знает, не штатный. Номер общий, то у неё, то у водителей. По последним заказам сейчас собирает бумаги. Я объяснил, чтобы ничего не уничтожали и не переделывали. Предварительно договорились на утро.

— Кто у них ездит?

— Назвала несколько человек. Проверим всех, кто связан с Романом. Пока только её слова, я отправил.

Лидия прочитала короткую запись. Фамилии не складывались ни в какую фигуру. Носов, Брагин, ещё два человека, работавшие в разные дни. Она остановилась на имени Галины и позвонила ей сама, чтобы не оставлять хозяйке диспетчерской возможности решить, будто вопрос был обычной проверкой документов.

— У нас пропали две женщины, — сказала Лидия. — Возможно, их перевозили на машине, заказанной через ваших водителей. Если вспомните разговор о пассажирах, не ждите утра.

На другом конце долго молчали.

— У нас грузовые, — наконец ответила женщина.

— Я поняла. Поэтому и прошу вспомнить необычный заказ.

— Хорошо.

Рудина спросила, куда звонить. Лидия продиктовала номер, заставила повторить. Потом вернулась к машине.

У ворот полицейский всё-таки открыл бутылку. Плеснул немного в жестяную миску, которую кто-то просунул под соседний забор. Собака принялась пить, брякая миской о бетон.

В телефоне Лидии было новое сообщение из отдела: деньги пересчитаны, восемнадцать миллионов. Сумма совпала.

Она села на пассажирское место и позвонила Олегу Невельскому. В этот раз он ответил сразу.

— Они опять написали?

— Нет, это Зорина. Мы выезжаем к вам. Деньги, которые вы передали, у нас. Всю сумму принёс один из подозреваемых.

Сначала ей показалось, что связь оборвалась. Затем она услышала, как мужчина кому-то повторяет: «Деньги у них». И после этого, совсем другим голосом, уже ей:

— Ася тоже?

Лидия закрыла глаза на секунду.

— Пока нет.

— Тогда зачем вы мне про деньги?

Вопрос был таким простым, что приготовленные слова оказались ни к чему. Лидия сказала, что им нужно восстановить всё, происходившее ночью, и попросила сохранить телефоны. Он не ответил. Через несколько секунд в трубке заговорила Софья, пообещала, что будут ждать.

Титов завёл двигатель.

— К ним?

— К ним.

Дорога до Рыбинска была впереди, и за это время неизвестный мог позвонить семье ещё раз. Лидия положила телефон поверх блокнота, чтобы не пропустить вызов, и набрала начальника.

Глава 4. Другая машина

Вера проснулась оттого, что Ася сползала ей на плечо.

Она осторожно подалась к стене, освобождая место, но Ася всё равно проснулась. Села прямо, провела связанными руками по лицу. В комнате было темно. Только под дверью лежала светлая полоска, пересечённая ножкой стула.

— Который час? — прошептала Ася.

Вера посмотрела на своё запястье. Часов она давно не носила; движение оказалось настолько привычным, что она рассердилась.

— Ночь ещё.

Снаружи звякнуло железо. Кто-то шёл мимо их двери, остановился, повернул ключ. Вера быстро села, подбирая под себя ноги. Рома вошёл с фонариком телефона в руке. Посветил на них обеих, задержал луч на шнуре.

— В туалет надо?

Ася кивнула.

Пока Рома возился с узлами, она спросила, где второй. Вера удивилась её голосу: ровному, деловому. Так можно было уточнить, кто сегодня принимает товар.

— Поехал, — ответил Рома.

— За деньгами?

Он ничего не сказал. Ася осталась сидеть со свободными руками. Посмотрела на Веру; в темноте блеснули белки глаз. Вера поняла её надежду и сразу испугалась: сейчас та начнёт просить отпустить их раньше, объяснять, что всё решено, мешать ему.

Но Ася молча поднялась и ушла за занавеску.

Рома разрезал Верину верёвку. После этого, во второй раз за сутки, кисти стали её собственными. Она пошевелила пальцами, потёрла запястье. На коже осталось две красные полосы, одна с потемневшей серединой.

— Нам ведь уехать дадут? — спросила она. — Когда он вернётся.

Рома присел на стул возле двери. В мастерской за его спиной работала переноска. Свет ложился низко, на пол, и от человека оставалась длинная тень.

— Дадут.

— На моей машине?

Он поднял глаза.

— Тебе какая разница?

Вера чуть не сказала, что это её заработок. Сдержалась, а он усмехнулся так, будто всё равно услышал.

— Машину боишься потерять?

— Домой попасть хочу.

Рома повертел в руке телефон. Чёрный чехол блеснул. На экране была переписка; Вера видела строки, но слишком далеко, чтобы прочитать. Он набрал несколько слов большим пальцем и положил аппарат возле бедра.

Ася вернулась, села на матрас. Телефон завибрировал, и Рома ответил. Послушал, сказал: «Сначала довези». Потом поднёс аппарат к Асиному лицу.

— Скажи, что ждёшь.

— Олег, я здесь. Мы ждём. Ты доехал?

Рома забрал телефон, не дав ей услышать ответ. Повторил мужчине, чтобы ехал, и закончил разговор. Вера смотрела на Асю. Та не плакала, только шевелила губами, будто продолжала спрашивать, сколько ещё осталось дороги.

Рома дал им пить из бутылки, потом велел снова свести руки. Вера попросила оставить хотя бы до утра. Он встал. Просьба кончилась.

Теперь шнур лёг поверх уже натёртой кожи. Вера смотрела на макушку человека, который наклонился к ней, и ненавидела каждую мелочь: редкие волосы у виска, белую чешуйку на воротнике, запах лука. Всё это должно было принадлежать кому-то обыкновенному. Тому, кто платит в магазине и здороваются с соседями. Он поднял голову, она успела опустить глаза.

Дверь закрылась. Через некоторое время в мастерской затихли шаги. Ася легла на бок, лицом к стене. Вера задремала сидя.

* * *

Стук был коротким. Два удара, пауза, ещё один. Вера не сразу поняла, что стучат снаружи здания. Рома встал со своего места; скрипнул стул, затем щёлкнул выключатель. Свет под дверью стал ярче.

Чужой голос произнёс что-то у ворот.

Вера вытянула шею. Ничего не разобрала, кроме Роминого ответа:

— Рано ты. Его ещё нет.

Мужчина ответил тише. После паузы Рома засмеялся, коротко, без веселья.

— Какая половина? За что половина?

Ася подняла голову. Они посмотрели друг на друга. Вера прижала палец к губам и сразу почувствовала глупость этого жеста: Ася и так молчала, уткнув подбородок в кофту.

В мастерской разговаривали ещё. Отдельные слова долетали отчётливо, остальное тонуло в гуле, который Вера раньше принимала за работающий вентилятор. Мужчина сказал: «Тогда сам...» Рома перебил. Что-то тяжёлое скользнуло по полу.

Потом прозвучал выстрел.

Звук заполнил комнату так внезапно, что Вера ударилась затылком о стену. Ася всхлинула и зажала рот ладонями. Снаружи упало ещё что-то, более лёгкое. Покатилось, звеня, и остановилось возле их двери.

Вера сперва подумала, что Рома выстрелил в приехавшего. Через секунду — что приехавший в Рому. Она не могла решить даже этого; знала только, что здесь был пистолет и один человек только что перестал разговаривать.

В дверь ткнулись. Замок не открылся с первого раза. Кто-то раздражённо выдохнул, повернул ключ ещё раз и потянул створку на себя.

Вошёл мужчина с закрытым лицом. Тёмная ткань оставляла только глаза и узкую полоску кожи вокруг них. На нём была куртка без заметных надписей. Правую руку он держал в кармане, левой светил маленьким фонарём.

Вера поднялась, не понимая зачем. Задела ногой стул; тот опрокинулся, ударившись спинкой о бетон. Ноги начали дрожать так сильно, что пришлось ухватиться за стену.

— Сидеть, — сказал мужчина.

Она села. Ася осталась возле неё, согнувшись.

Мужчина быстро оглядел комнату. Увидел шнур на руках, умывальник, окно. Вернулся взглядом к женщинам.

— Кто Невельская?

Ася ответила не сразу. Вера успела подумать, что та сейчас назовёт её. Мысль была дикой и такой отчётливой, что она почувствовала стыд ещё до Асиного голоса.

— Я.

Он шагнул к ней, взял за подбородок и повернул лицо к свету. Ася не сопротивлялась. Затем он посмотрел на Веру.

— А ты?

— Водитель. Я случайно. Меня...

— Обувь надень.

Вера только теперь заметила, что одна её кроссовка лежит возле матраса. Ночью она вытолкнула из неё пятку, потому что нога затекла. Подцепила обувь носком, нагнулась, но связанными руками не смогла расправить задник. Мужчина постоял секунду и выругался.

Он достал нож. Вера отшатнулась. Тот взял её за обе кисти, повернул и разрезал шнур. Потом сделал то же с Асей. Порезанные куски упали на бетон.

— Руки перед собой. Ничего не брать.

Ася подняла кофту.

— Это моё.

— Надень.

Она попыталась попасть правой рукой в рукав, скривилась. Вера помогла. Мужчина нетерпеливо подёргивал ногой, потом вышел, велев ждать. За дверью загремело железо.

— Нас отпускают? — едва слышно спросила Ася.

Вера взяла свою куртку. Запихнула в рукава руки, почувствовала шершавую подкладку на содранной ладони.

— Не знаю.

Ей хотелось добавить, чтобы Ася не спрашивала у него. Но дверь уже снова открылась.

Он вывел их через мастерскую. Вера шла первой, Ася держалась за её рукав. У машины возле колеса лежал Рома. Вера увидела его ботинки, развёрнутые в разные стороны, серую штанину, руку на полу. Возле руки темнело пятно. Мужчина остановил её ладонью между лопаток и нагнулся к телу.

Телефон лежал на низком ящике рядом с переноской. Тот самый чёрный чехол. Мужчина взял аппарат и спрятал во внутренний карман. Вера не видела, проверял ли он карманы Ромы до этого. Она смотрела на его неподвижную кисть; пальцы были согнуты, как будто он до сих пор что-то держал.

— Он жив? — спросила Ася.

Мужчина выпрямился.

— Иди.

Вера обогнула лежащего так далеко, как позволяли стены и машина. Она боялась наступить в кровь. Боялась увидеть лицо. При этом одна часть её, упорная и непослушная, всё ждала, что Рома поднимет голову и велит им вернуться. Они прошли мимо.

Умывальник и два стула остались за ними. Свой телефон Вера в последний раз видела в прозрачном пакете у Ромы. Забирать этот пакет человек с закрытым лицом при ней не стал.

В мастерской им пришлось ждать, пока он откроет заднюю дверь во двор. Он держал женщин перед собой и возился с тугим засовом одной рукой. В какой-то момент фонарь выпал, покатился под скамью. Мужчина выругался, присел за ним. Ася крепче сжала Верину куртку.

Вера смотрела на открытую в двух шагах дверь, но за ней стоял автомобиль с включёнными фарами. Слева была стена, справа тёмные доски. Бежать следовало мимо мужчины, который минуту назад подобрал телефон возле неподвижного Ромы. Вера осталась на месте. Он достал фонарь, поднялся и первым делом посмотрел на её ноги.

* * *

Их посадили в грузовой фургон. Внутри пахло резиной, старой древесиной и пролитым топливом. На полу лежали сложенные одеяла. За сиденьями была перегородка; сквозь маленькое решётчатое окно проходил свет из кабины.

Мужчина велел сесть у стены. Стянул им кисти по отдельности, теперь пластиковыми полосками. Вера сжала зубы, когда край полоски лёг поперёк натёртого места. Ася тихо ска-

зала, что рука болит. Он срезал Асину стяжку, затянул новую, посвободнее, и бросил срезанную под ноги. От этого жеста Вера вдруг испугалась ещё сильнее. Он мог быть аккуратным, когда хотел.

Потом дал каждой полоску ткани.

— На глаза.

Вера задержалась. Мужчина поднял руку к карману.

— Завязывай.

Она закрыла глаза тканью. Связанные кисти ещё позволяли держать концы; тугой узел за затылком затянул он. После этого дверь закрылась, металл отозвался внутри пустым гулом.

Ася придвинулась. Вера нашла локтем её локоть. Некоторое время они так и сидели, сцепленные самым непрочным соединением, какое можно придумать. Потом мотор набрал обороты, фургон тронулся, и Ася упала ей на колени.

— Сядь боком, — прошептала Вера. — Ногами упрись.

Они устроились вдоль стены. На первом повороте Вера попробовала запомнить направление. Правый. Потом левый, длинный. Притормозили, тряхнуло, снова пошли ровно. На пятом или шестом повороте она перестала понимать, где машина начала путь. Ткань давила на веки, в голове стучало. У неё оставались ощущения дороги: здесь асфальт, здесь неровности; один раз остановились надолго, но двигатель работал. Из этого не складывался адрес.

Ася шептала что-то. Вера наклонилась к ней.

— Что?

— Он его убил?

— Я не видела.

— Выстрел был.

— Да.

— Значит...

— Ася, сиди ровно. Не сползай. Тебе руку ещё больше выкрутит.

Она не знала, как остановить этот разговор, не солгав. Убитый Рома, если он был убит, оставался позади, а мужчина за перегородкой вёз их куда-то дальше. Вера пыталась услышать радио или чужой голос из кабины. Там было тихо. Только иногда звенело что-то мелкое возле водительского сиденья.

В какой-то момент Ася заплакала. Без всхлипов, почти неслышно; Вера поняла по тому, как та втягивала воздух. Ей захотелось обнять её, но руки были связаны. Она сказала:

— Я рядом.

Слова оказались слабыми. Ася и так это знала. Вера повторила ещё раз и прижала к себе её локоть.

Дорога длилась долго. Вера то проваливалась в короткую дремоту, то вздрагивала, уверенная, что машина уже стоит. Один раз фургон действительно остановился. Водитель вышел. Дверь кабины хлопнула, шаги удалились. Женщины сидели в тишине, слыша остывающий металл.

— Кричать? — прошептала Ася.

Вера прислушалась. За кузовом звенела какая-то птица; где-то далеко прошёл автомобиль. Она набрала воздух и крикнула. Ася сразу вслед за ней.

Мужчина вернулся быстро. Ударил ладонью по стенке кузова так сильно, что обе замолчали.

— Ещё раз — рот заклею.

Она услышала у двери его дыхание. Он постоял, потом ушёл вперёд. Двигатель завёлся.

Теперь Вера не спала. Она сидела, вжав голову в стену, и думала о том, что крик был правильным. Даже если он ничего не дал. Нужно было кричать, когда появилась дорога и далёкая

машина. Нужно будет снова, если рядом окажутся люди. Эта мысль помогала держаться ровно лучше, чем надежда на его слово.

* * *

Фургон долго трясло перед последней остановкой. Потом мотор заглох. Вера услышала, как открылись ворота; металл скребнул по земле. Машина проехала ещё немного и встала.

Когда дверь кузова отъехала, сквозь ткань ударил серый свет. Мужчина взял Веру за предплечье, помог спуститься. Ноги затекли. Она чуть не упала, и он удержал её грубо, за ворот куртки.

— Ступенька. Теперь прямо.

Под ногами сначала хрустел гравий, потом оказался бетон. Дальше — порог. Вера вслушивалась в каждый звук. Чужое здание встречало их запахом сырости и старой краски. Они шли по тесному проходу; её плечо задело что-то шершавое, посыпалась пыль.

Мужчина снял с неё повязку уже в комнате. Вера зажмурилась. Здесь было почти так же темно, как за тканью, однако узкая полоса окна под потолком казалась ослепительной. Он разрезал пластиковые полосы, одну за другой, и велел сесть на пол у стены.

Ася ввалилась следом. У неё растрепались волосы, на правой щеке отпечатались складки повязки. Вера протянула к ней руку, помогла опуститься.

Комната была больше прежней. Вдоль стены стояли две раскладные кровати с бурой тканью и тонкими матрасами. Железная дверь, через которую они вошли, имела внутри гладкую крашеную поверхность без ручки. Сбоку от неё Вера заметила старый дверной проём, зашитый досками; нижняя доска была выщерблена. Высокое окно закрывала решётка. В дальнем углу за фанерной перегородкой виднелись край раковины и пластиковое ведро. Возле раковины стояла широкая канистра; у её ручки был отбит край.

Мужчина поставил на пол бутылку воды. Из кармана торчал угол чёрного телефонного чехла.

— Сидите тихо. Здесь людей нет.

Он сказал это почти буднично. После бессонной дороги у Веры осталось мало сил, но она всё-таки спросила:

— Зачем мы тебе?

Мужчина задержался у двери. Посмотрел сначала на Асю, потом на неё.

— Пока нужны — сидите.

Он вышел. За дверью скользнул засов. Затем щёлкнул ещё один замок.

Вера дала Асе воду, подождала, пока та сделает несколько глотков. Сама выпила жадно, пролила на куртку. Они сидели на полу, хотя рядом были матрасы. Встать ещё раз казалось тяжёлой работой.

За высоким окном светлело. Наступала пятница, но Вера не знала, сколько ночи осталось за дорогой. Она смотрела на свои свободные руки. Запястья опухли, пальцы слушались плохо. При этом их больше ничто не соединяло.

Она пододвинула к себе бутылку, проверила, сколько осталось воды, закрутила крышку и положила возле стены. Потом поднялась на колени.

— Давай на матрас, — сказала Асе. — Тут холодно.

Та покачала головой.

— Я не могу.

— Можешь. За меня держись.

Они добрались до кроватей, помогая друг другу. Ася легла сразу, Вера села на край соседней. Через несколько минут за стеной зажурчала вода. Мужчина мыл что-то или сам умывался. Обычный утренний звук доносился так близко, словно человек находился в соседней квартире.

Вера стянула куртку, накрыла Асю. Собственные руки она сунула под мышки и стала ждать, когда в новом месте проявится хоть что-нибудь, чем можно будет воспользоваться.

Глава 5. За одну ночь

В Рыбинск они приехали после двух. Титов всё ещё жевал купленный по дороге пирожок; увидев мужчину у подъезда, скомкал пакет и сунул в карман. Лидия не успела поесть. Теперь запах теста из Андреева кармана мешал ей сосредоточиться сильнее, чем голод.

Олег Невельский стоял без куртки, в футболке с маленьким пятном у ворота. Он посмотрел на заднее сиденье их машины. Лидия увидела это короткое движение и поняла: после её звонка он всё равно надеялся, что они привезут Асю.

— Поднимемся? — спросила она.

Он кивнул.

На лестничной площадке за дверью напротив шевельнулся глазок. Олег нажал звонок в собственную квартиру, хотя ключи держал в руке. Открыла Софья Грановская. Сестра Аси была выше Олега, собраннее, одета так, будто ей предстояло выйти на работу. Только застёжка серёжки висела расстёгнутой; Софья заметила взгляд Лидии, поправила её и отступила.

В квартире пахло подгоревшей кашей. На кухне стояли четыре чашки и нетронутая тарелка хлеба. Посреди стола лежал Асин паспорт, рядом — записная книжка Олега и телефон, подключённый к длинному проводу. Провод тянулся через проход; Софья дважды переступила его, прежде чем Лидия попросила передвинуть зарядку.

— Он не хочет отсюда убирать, — сказала Софья.

— Я слышу здесь, — ответил Олег.

— Мы тоже услышим, если телефон будет ближе к розетке.

Он молча положил аппарат на подоконник. Спор кончился, но обоим явно требовалось продолжить его о чём-нибудь ещё.

Лидия попросила сначала показать исходные сообщения. Пока Олег показывал Титову телефон, она села напротив Софьи.

— Ася кому-нибудь показывала предложение оборудования, ради которого приехала в Ярославль?

— Мне. Переслала вчера утром. Я сказала, что без сервисной истории смотреть нечего. Она ответила, что сама разберётся.

— Сохранено?

Софья открыла переписку. Там были фотографии промышленных стиральных машин, описание партии, обещание показать образцы в мастерской. Ася переслала всё целиком, вместе с контактом, и добавила: «Хоть посмотрю, за взгляд денег не беру».

Лидия перечитала последнюю фразу, затем попросила передать исходную переписку вместе с контактом продавца.

— Она обычно такая? — спросила Лидия. — Сама смотрит, потом сообщает решение?

— Обычно она знает, что делает.

Софья произнесла это с нажимом, защищая сестру от обвинения, которого ещё не было.

— Мне нужно понять круг людей, с кем она могла обсуждать поездку. Продавец, знакомые, ваши сотрудники.

— Тогда так и спрашивайте. «Обычно такая» — это непонятно что.

Лидия признала, что вопрос был неточным. Софья немного расслабилась, начала называть людей и сразу отделяла тех, кому Ася сообщала сама, от тех, кто мог услышать разговор. Один контакт оказался действующим поставщиком; знакомство с новым продавцом ещё предстояло проверить. Софья уверяла, что не договаривалась о встрече за сестру.

Олег за столом напротив несколько раз взглянул на неё, но не перебивал.

— Как вы собрали восемнадцать миллионов? — спросила Лидия, когда закончили с первыми сообщениями.

Олег придвинул записную книжку, открыл на странице с рядами цифр.

— Восемнадцать я собрал. Вы сами сказали, все восемнадцать.

— Сумма совпала. Теперь нам нужно установить путь денег и сумки.

— Вы этого, который принёс, держите?

— Он задержан. С ним работают.

— Тогда пусть скажет, где она.

— Он называет место, откуда их увезли. Мы были там утром. Аси и Веры там нет.

— Он врёт.

Софья поставила перед Лидией чашку. Кофе был слишком светлым, почти белым; возможно, молоко налили дважды.

— Он может врать, — сказала Лидия. — Поэтому мы проверяем. А вы сейчас помогите восстановить то, что знаете сами.

Олег закрыл книжку ладонью.

— Я всю ночь всё восстанавливаю. Куда пошёл, кому позвонил, сколько минут. Пока я вам это рассказываю, он там...

— Олег, — сказала Софья.

— Не надо меня останавливать.

Она не стала. Это оказалось сильнее окрика: он ждал возражения, уже приготовился отбиваться, а сестра жены просто села и посмотрела на него. Олег убрал ладонь с книжки.

Девять миллионов были их. Шесть сняли заранее, готовясь купить помещение у частного продавца; сделку несколько раз переносили. Ещё три хранили дома, откладывая из доходов за прежние месяцы. Олег назвал место, где лежали деньги, но Лидия попросила не вести туда всех сразу: сначала выяснить и записать, затем отдельно осмотреть то, что потребуется.

Вторые девять он занял.

— У кого? — спросила Софья раньше Лидии.

— У Саши Ларина.

Софья откинулась на спинку стула.

— Ты у Ларина взял девять миллионов?

— Взял.

— Под что?

— Под расписку.

— Под какую расписку, Олег?

Он посмотрел на Лидию, словно та должна была защитить его от вопроса, который сама задала бы через секунду.

— Есть договор. Принесу. Он клиент мой, давно. Мы машины ему делаем. Он не чужой человек.

— Это не ответ про условия, — сказала Софья.

Лидия подняла ладонь, остановив её.

— Документы посмотрим. Сейчас — когда вы договорились и когда получили наличные.

Олег назвал время звонка, приезда Ларина и передачи пакетов. По его словам, у того были деньги после продажи дачи, он собирался вложиться в склад. Лидия попросила контакты самого Ларина.

Софья смотрела на стол. Она помогала собирать деньги, знала о семейных девяти, но не знала, откуда появилась вторая половина. Олег сказал ей ночью, что занял у знакомого. Теперь неопределённый знакомый получил фамилию, а вместе с ней, судя по её лицу, целый набор прежних ссор.

— Ты мог мне позвонить, — сказала она.

— Ты уже звонила всем. Я тоже позвонил.

— Я бы посмотрела, что ты подписываешь.

— Ася там, Соня. Я не торговался за проценты.

Он впервые назвал её коротко. Софья подняла на него глаза, ответить не смогла и пошла к плите выключить уже выключенную конфорку.

* * *

Красно-чёрная сумка принадлежала им. Ася возила в ней вещи на короткие поездки, потом оторвался значок, и она перестала брать её с собой. Олег достал сумку из шкафа; Софья помогла уложить деньги. Они не переписывали номера всех купюр и не фотографировали каждую пачку. Сделали несколько снимков общей суммы и упаковки — для себя, чтобы не ошибиться в бессоннице.

Лидия попросила исходные фотографии.

— Зачем? Вы же уже посчитали.

— Чтобы сопоставить именно эту передачу с тем, что принесли.

Олег открыл снимки. На одном его рука придерживала молнию, на другом виднелась Софья, стоящая в дверях кухни. Никакого преступления в изображениях не было: два человека собирали сумку. Только содержимое и ночь делали обычное действие почти непереносимым.

Часть ночных разговоров он записал на второй телефон, лежавший в машине. Не все: то забывал включить запись, то спешил выполнить очередное указание. Лидия попросила передать сохранённые файлы целиком, вместе с исходными аппаратами.

Первый звонок с требованием денег пришёл вечером. Олег услышал Асю. Она сказала, что жива, просила исполнить всё и не обращаться в полицию. Потом мужчина забрал у неё аппарат, назвал сумму. Олег пытался спорить, объяснял, что столько сразу не найдёт. Ему ответили, что времени мало.

— Про водительницу кто сказал? — спросила Лидия.

Олег удивился смене темы.

— Он.

— Как именно?

— Что лишнюю отпустили. Я спросил, с кем Ася. Он сказал: «Лишнюю уже выпустили, про свою думай».

— Вы слышали Веру?

— Нет.

— Ася говорила, что её отпустили?

— Нет. Но он же...

Олег осёкся. Ему не требовалось объяснять, насколько мало стоило слово человека, просившего деньги за жену. Он сам уже слышал это в собственном «он же».

Софья села обратно. Очень аккуратно положила телефон рядом с чашкой.

Около девяти вечера они сообщили о требовании в полицию. Дальнейшие разговоры и указания Лидия восстанавливала по обоим телефонам и словам каждого отдельно. Муж получил первую точку передачи, назвал её сотруднику, с которым был на связи. Потом место изменилось. Последние инструкции пришли, когда Олег уже ехал с сумкой в Ярославль.

— Почему вы не передали новые указания? — спросила Лидия.

Олег уставился на выключенный телевизор.

— Он сказал, увидит второго — конец разговору.

— Вам не предлагали приводить второго человека к сумке.

— Я знаю, что вы мне сейчас скажете.

— Я хочу услышать, что сделали вы.

Он сжал ладони между коленями.

— Свернул. Куда велели. Мне ваш сотрудник звонил, я сбросил. Потом написал, чтобы ждали. Я думал, если ещё чуть-чуть потяну, он опять даст её голос. Я всё просил позвать Асю. Он сказал: сначала сумку, потом поговоришь.

Титов записывал. Группа, готовая к передаче, осталась у прежнего места, а новые указания Олег передал уже после того, как оставил сумку.

Олег описал пустую стоянку, бетонный ограничитель у края, тёмную канаву за ним. Он поставил сумку, вернулся в машину, отъехал. Дальше ему велели ждать в другом месте. Он не видел человека, забравшего деньги. Проехал ещё, остановился, снова звонил. Номер то не отвечал, то становился недоступен. Мужчина больше не давал Асю к телефону.

— Во сколько вы оставили сумку?

— Я на часы не посмотрел.

— По сообщениям попробуем восстановить. Пока не выбирайте удобную минуту.

Олег резко отодвинул книжку. Она ударилась о чашку.

— Удобную?

Лидия замолчала. Слово было рабочим и неуместным. Она извинилась, сказала иначе: не нужно сейчас округлять время, если он не помнит. Сопоставят то, что сохранилось в телефоне, с дорогой и его остановками.

Софья впервые посмотрела на Лидию без настороженности. Олег ничего не ответил, но продолжил рассказ.

Домой он вернулся уже утром. На какое-то время перестал отвечать даже близким: сидел в машине и смотрел, не появился ли новый вызов с того номера. Софья нашла его во дворе. Он пытался выйти, не отстегнув ремень, и злился на дверь, пока Софья не показала, что его держит.

— Это не надо, — сказал Олег.

— Надо, — ответила Софья. — Потому что ты им говоришь, будто всё соображал.

* * *

Они поговорили с мужем и сестрой по отдельности. Лидия с Софьей осталась на кухне, Андрей увёл Олега в соседнюю комнату. Через стену иногда доносился его голос; слов не разобрать, зато по интонации Софья несколько раз угадывала, где именно он спорит.

— Вы с ним не согласны во многом, — сказала Лидия.

— Я не с ним живу. Мне проще быть не согласной.

— Ася собиралась уходить?

Софья покрутила чашку.

— Она говорила, что устала. От работы тоже говорила. Это не значит, что я могу сейчас объявить за неё решение.

— Из-за чего ссорились?

— Из-за денег. Из-за времени. Он хотел, чтобы она меньше моталась, она слышала в этом, что ей надо сидеть дома. Он не это говорил, но говорил так, что слышалось именно это.

— Вы с ней из-за чего ссорились?

Софья перестала вертеть чашку.

— Из-за того, что она иногда не слушает расчёты. Увидит возможность и уже живёт там. В новом помещении, с новыми заказами. А я потом должна обеспечить людям зарплату в старом.

— Последняя ссора когда была?

Она назвала время, пояснила, что спорили о расширении. Лидия попросила в следующий раз принести документы, которые позволят понять их отношения в бизнесе и семейные деньги.

Софья согласилась, но сделала это не сразу. Сестру искали, а ей предлагали разобрать всё, что хотелось бы спрятать хотя бы на время беды.

— Вы её вернёте? — спросила она.

Лидия могла сказать, что сделает всё возможное. За день эта фраза уже несколько раз подступала к языку. Она ответила:

— Мы ищем их обеих. Сейчас есть люди, которых можно проверять, и место, откуда их увезли. Я не знаю, когда найду Асю.

Софья долго смотрела на неё, потом спросила, как зовут сына водительницы.

— Митя. Сегодня с ним встретимся.

— Ему сказали про деньги?

— Скажем то, что нужно для его участия в поиске. У него мать пропала. Не только свидетель вашего дела.

Софья кивнула. Лидия поняла, что последние слова были резче необходимого: сестра ничего такого не утверждала. Возможно, хотела помочь. Но остановить собственную усталость до каждой реплики у неё сегодня не получалось.

Когда вернулся Олег, разговор снова стал деловым. Они договорились о связи, о сохранении новых сообщений, о действиях при следующем требовании. Семья должна была прежде всего дать услышать сам разговор и сразу сообщить о нём; самовольная передача ещё одной суммы могла лишить женщин последнего понятного следствию контакта.

Олег слушал, наклонившись вперёд. Теперь он уже не спорил с каждым пунктом.

— А те деньги можно забрать? — спросил он под конец.

Софья резко повернулась к нему.

— Не себе, — сказал Олег. — Если этот опять попросит. У меня больше нет девяти у Саши и девяти в шкафу.

Лидия объяснила, что деньги осмотрены, оформляются и хранятся как изъятое по делу; выдавать их по устной просьбе она не может. Следующий разговор будут решать отдельно, исходя из того, что потребует преступник и как подтвердит, что женщины у него.

— То есть у вас деньги, а у него Ася, — сказал Олег.

Это было верно только в самом страшном и самом неполном смысле. Лидия не стала спорить.

Они вышли ближе к вечеру. Внизу Титов наконец вытащил смятый пакет, посмотрел на него и бросил в урну. Лидия попросила остановиться по дороге у места, где можно взять нормальную еду. Им предстояло вернуться в Ярославль и встретиться с сыном Веры.

Глава 6. Вера Лунёва

У сына Веры были чёрные полукружья под ногтями и совсем чистые ладони. Он оттирал их, пока ждал: на скамье рядом лежали влажные салфетки, уже собранные в собственную упаковку. На коленях он держал тонкую папку с кнопкой. Когда Лидия назвала его по имени, он поднялся так быстро, что папка упала.

Из неё выскользнули два листа. На одном была фотография женщины возле стола с тортом. На другом — выписанные от руки номера телефонов.

— Это не для ориентировки, — сказал Митя, поднимая фотографию. — Нормальной не нашёл. Там она рот открыла, потому что свечка потекла. Я ещё поищу.

— Можно пока посмотреть эту?

Он передал лист. Вера стояла чуть боком, придерживая бумажную тарелку, на которой лежал уже отрезанный кусок. Должно быть, кто-то попросил её ненадолго замереть, но она не собиралась, и фотограф поймал секунду между двумя словами. Лидия видела похожие снимки много раз: человек на них ещё не знал, что его будут рассматривать незнакомые люди, пытаясь отделить существенные приметы от освещения и неловкого движения.

— Пойдёмте.

Митя остался возле скамьи.

— Мне сказали, у вас мужчина этот. Который пришёл.

— Он задержан.

— С ним можно поговорить?

— Вам — нет.

— Я не буду его трогать. Я хочу, чтоб он показал...

Он провёл ладонью по лицу и опустил её, оставив над губой серую полосу. Лидия не стала говорить про это.

— Место он назвал. Люди там работают.

— Мне сказали, там мамы нет.

— Пока не нашли ни её, ни Асю Невельскую.

Он смотрел прямо на неё, ожидая продолжения. Слово «пока» было единственным, за что можно было держаться, и Лидия почувствовала, как ей хочется добавить к нему ещё что-нибудь. Она открыла дверь кабинета и пропустила Митю вперёд.

На столе для него освободили место, но он сел на край стула и папку не положил. Был в рабочей футболке под незастёгнутой курткой; на груди мелкими английскими буквами было написано название велосипедной детали. Лидия спросила, успел ли он с кем-нибудь поговорить после утреннего звонка.

— С вашей сотрудницей. И раньше, ночью. Я номера записал, чтоб одно и то же не... Вот.

Он придвинул ей лист. Напротив телефонов были имена, время разговора и короткие отметки: «по больницам», «соседка», «в заказах». У одной строки стояло два вопросительных знака.

— Здесь что?

— Человек из службы заказа. Вначале сказал, что поездку завершили. Потом — что это я не так понял, ему самому ещё надо узнать. Я не стал стирать. Может, вам нужно будет.

Лидия переписала номер. Сведения о поездке уже запрашивали, но об этом конкретном разговоре она не знала.

— Правильно, что сохранили. Кто говорил, что вашу маму отпустили?

— Мне — никто.

Он насторожился.

— Вам говорили?

— Вчера у семьи Невельской были такие сведения. Сейчас их проверяем.

— От кого?

— Это сказал человек, звонивший с требованием денег. Самой Веры муж Невельской не слышал.

— Так почему вы решили, что отпустили?

Лидия выдержала его взгляд. Она сама не принимала такого решения, но сейчас это не имело для него значения.

— Мы знаем, что ваша мама не вернулась. И ищем её вместе со второй женщиной.

— Вместе — это как? Найдёте ту и заодно маму?

Он произнёс это без повышения голоса, отчего вопрос прозвучал хуже крика. Лидия подвинула к нему стакан воды и сразу пожалела: жест можно было принять за предложение успокоиться.

— Скажите, что вы знаете о её последней поездке. С самого начала, даже если уже рассказывали.

— Она не сказала, куда едет. Мы не каждый заказ обсуждаем. Вы думаете, она мне каждый раз: «Митя, я выехала, Митя, я приехала»? Ей сорок восемь. Мне двадцать четыре.

Вода осталась нетронутой. Митя расстегнул папку, заглянул внутрь и снова закрыл; Лидия увидела там только прозрачные карманы. Всё, что он смог собрать, уже лежало перед ней.

— Когда вы в последний раз разговаривали?

— В среду вечером. Про чемодан.

Она ждала.

— У неё колесо закусил. Говорит: ты велосипеды делаешь, чемодан тоже сумеешь. Я сказал, мне некогда, принеси в выходной. Она обиделась. Не то чтобы сильно. Как обычно.

— Она собиралась уезжать?

— Нет, это мой. Она мне свой отдавала. Я в июне переезжаю. Если...

Он не закончил и посмотрел на фотографию. Лидия записала среду, чемодан и летний переезд, не выделяя ничего подчёркиванием.

— А вчера она обещала привезти инструменты, — добавил Митя. — Старые, из кладовки. Я ей писал, что не надо, у нас на работе всё есть. Не ответила. Я думал, вечером всё равно привезёт, а я поворчу и возьму. Потом стал звонить.

— Вы живёте отдельно?

— С девушкой. Мама одна. Только не пишите, что у неё никого. Я через два двора от неё работаю.

— Я запишу, где вы живёте. А кого ещё ей важно было предупредить, если задерживалась?

Митя назвал подругу, соседку, женщину, которую Вера несколько раз в неделю возила на процедуры. Последний номер пришлось искать в телефоне: он знал не фамилию, а подпись «мамина Ирина». Лидия уточнила, как Ирина узнала, что Вера сегодня не приедет.

— Ирина мне утром и позвонила. Мама всегда приезжала раньше и ждала в машине: Ирина из дома ходит медленно.

— Какой у неё адрес?

Он назвал. Здесь не было готовой зацепки, но появились люди, которые знали Веру вне последнего заказа. Лидия записала их отдельно, чтобы связь с ними не растворилась в общей проверке клиентов Невельской.

Митя следил за ручкой.

— Деньги они за ту требуют?

— Требование получила её семья.

— А про маму спрашивали? Сколько у меня есть, например?

— Вам кто-нибудь звонил с такими вопросами?

— Нет. Я думал, может, вам. У меня есть. Немного, но есть.

Он полез в карман, достал телефон и открыл банковское приложение. Лидия успела увидеть круглую цветную диаграмму прежде, чем он развернул экран к ней.

— Сто восемьдесят семь. Ещё девушка даст. Мастер говорил, если надо, можно вперёд зарплату. Я не знаю, как вам правильно...

— Сейчас мне не нужен остаток на вашем счёте.

Он убрал телефон так, словно она отказалась от предложенной помощи.

— Я не о том, чтобы вы взяли. Я чтоб они знали. Если у них выбор, кого...

Дальше он не смог. Глотнул воду, закашлялся и, не попадая стаканом на свободное место, поставил его на фотографию с тортом.

Лидия вытащила снимок из-под стакана. Она слышала, как в соседнем кабинете спорят о машине, кому ехать и у кого ключи, и этот обычный служебный разговор казался сейчас неправдоподобно громким.

— Дмитрий, если вам позвонят незнакомые люди и скажут, что знают, где мама, запишите номер и сразу свяжитесь с нами. Не ездите один на встречи. Не пересылайте им документы, адреса, деньги.

— Всё равно скажут, что из полиции. Как я пойму?

Она написала рабочий номер и фамилию, затем ещё один номер на случай, если не ответит. Попросила сохранить их и перезвонить по ним при любом сомнении.

— Но вы же тоже не всегда отвечаете.

— Тогда второй. И сообщение. Сегодня ваше ожидание не означает, что ничего не происходит, но я понимаю, что вам этого недостаточно.

— Я не могу сидеть дома.

— Я не предлагаю сидеть дома. Сейчас нужны люди, которые действительно видели Веру до поездки, и её обычные места. Поможете восстановить. Без самостоятельных обходов тех адресов, где может быть опасно.

Он посмотрел на свою папку, и впервые с начала разговора в его лице появилось нечто кроме ожидания удара.

* * *

Подруга Веры ответила на третьем гудке. Лидия разговаривала при Мите с его согласия, не включив громкую связь. Сначала уточнила, когда женщины виделись, потом попросила вспомнить, не появлялся ли человек, из-за которого Вера меняла привычный маршрут или просила забирать её поздно вечером.

— Кого ей бояться? — несколько раз повторила подруга.

— Вспомните, где вы виделись в последний раз. О чём она говорила?

Подруга рассказала о кафе возле шиномонтажа, о невкусных сырниках и новой куртке, которую Вера так и не купила. Последним общим делом оказалась не угроза, а примерка: молния на одной куртке разошлась сразу, продавщица сказала, что это из-за подкладки.

Митя услышал вопрос о куртке и сделал нетерпеливое движение. Лидия продолжила разговор. Уточнила прежних партнёров, конфликты с клиентами, крупные долги. Ничего, что подруга могла бы назвать конкретно. В конце та спросила, можно ли принести еду.

— Сейчас Веры здесь нет, — сказала Лидия.

— Я вам. Вы же там все... Я не знаю, чем ещё.

Лидия поблагодарила, попросила пока оставаться на связи и закончила разговор.

— Она не знала? — спросил Митя.

— Знала об исчезновении. Подробности — нет.

— Я ей утром сказал. Она спросила, не у мужчины ли мама. Как будто я бы...

Он откинулся на спинку стула, и Лидия увидела, насколько он устал держать тело прямо. Возле двери кто-то остановился; она жестом показала через стеклянную вставку, что занята.

— Если у вашей мамы были отношения, о которых вы не знали, нам всё равно надо проверить. Это не означает, что мы перестали рассматривать похищение.

— Я понимаю. Просто с утра всем надо сначала доказать, что она не веселится где-то. Извините.

— За это не надо.

Следующим был хозяин мастерской, где работал Митя. Он подтвердил, что сын весь день накануне был на работе, а Вера иногда заезжала к ним: привозила забытые вещи, ругалась из-за велосипедов на тротуаре, один раз помогла отвезти покупателю детскую коляску. Лидия спросила, кто в мастерской знал, когда Вера бывает дома. Хозяин сказал, что это открытая информация. На прощание спросил, нужен ли Митя сейчас у него.

Она передала трубку самому Мите.

— Не знаю, Паш. Не могу пока. Да, тот зелёный готов, только трос откуси. Я кусачки справа оставил. Нет, не большие, от больших конец мнётся.

В его голосе на несколько секунд появилась уверенность человека, который точно представляет незаконченный предмет. Он объяснил ещё что-то про ручку тормоза и замолчал, слушая. Когда вернул телефон, лицо опять было чужим.

— Он говорит, не приходите. Я бы пришёл. Я всё равно...

— Можно попросить вашу девушку побыть с вами?

— Она уже едет. Только ей на работу завтра, она не может всё время со мной сидеть.

Он устало потёр лицо.

— Вы правы, пусть приедет.

Они вернулись к фотографии. В телефоне нашёлся снимок лучше: Вера на даче у подруги, смотрит в камеру без улыбки, придерживает рукой ветку, которая лезет в лицо. Митя хотел обрезать фон.

— Пришлите как есть. Оригинал сохраните.

Пока он отправлял файл сотруднице, занимавшейся розыскными материалами, Лидия проверила перечень уже сделанного по Вере. Сверка обращений и больниц шла с ночи. Найденную машину Веры ещё осматривали. Адрес был известен. Однако список привычных поездок сводился к выгрузке из сервиса, а часть клиентов Вера возила по прямой договорённости. Ирина с процедурами в нём отсутствовала.

Лидия позвала сотрудника, передала ему номера, пояснила, что уточнять нужно именно последние контакты и изменения обычного дня. Митя слушал и постепенно перестал крутить кнопку папки.

— Я могу мамин чемодан привезти, — сказал он, когда они остались вдвоём.

Она не сразу поняла.

— Вещи пока не требуются.

— Нет, я не вам. Я подумал, чтобы... Она просила колесо посмотреть. Я могу сделать.

Он отвернулся, рассердившись на самого себя, и Лидия позволила ему эту минуту. За дверью прошли двое, проехала тележка уборщицы, кто-то уронил связку ключей. Жизнь здания продолжалась с такой настойчивостью, будто всё происходившее здесь было обычным рабочим днём.

Когда Митя встал, Лидия ещё раз уточнила, кому он будет звонить. Он назвал её фамилию и оба номера. На вопрос о незнакомых предложениях помощи ответил: «Сначала вам». Сказал это раздражённо, как человек, которого проверяют по только что выученному правилу.

В коридоре его ждала девушка с тканевой сумкой. Она поднялась, увидела Лидию и приготовилась спросить, но Митя покачал головой. Девушка ничего не сказала. Поправила ему воротник куртки, который с утра так и оставался подвёрнут внутрь, и взяла за руку.

Лидия вернулась к столу и подняла снимок с тортом за сухой угол. От стакана осталось мокрое кольцо, но лицо не пострадало. Она хотела окликнуть Митю, вернуть фотографию; из коридора донёсся его голос:

— Сейчас не спрашивай, Кать. Дойдём сначала.

Лидия положила снимок на подоконник сохнуть.

Глава 7. Общий номер

Галина Рудина встречала их у открытой двери и держала под мышкой пакет с обувной коробкой. Увидев удостоверение Лидии, она переложила пакет в другую руку, потом поставила на пол.

— Это дочери передать. Я отсюда не собиралась никуда.

— Я не спрашивала про пакет.

— А вы посмотрели.

Лидия отступила, давая ей пройти. Небольшая диспетчерская занимала комнату над магазином автозапчастей. На лестнице кто-то оставил два колеса; Андрей поднял одно и прислонил к стене, чтобы не перешагивать. Из магазина донеслось недовольное: «Они сейчас забегут», но никто не вышел.

Было субботнее утро. Рудина поставила чайник, сразу выключила и спросила, будут ли они чай. Лидия отказалась. Андрей попросил стакан воды. Эта просьба, кажется, помогла хозяйке: она нашла чистый стакан, налила из бутылки и смогла наконец сесть.

На столе лежали тетрадь, календарь и старый телефон с кнопками. Рядом заряжался смартфон.

— Который общий? — спросила Лидия.

Рудина указала на смартфон.

— Сейчас он здесь. Вчера после вашего звонка привезли. Я ничего не стирала. Даже эти объявления, которые мне постоянно присылают.

— Кто привёз?

— Вадим Носов.

Титов придвинул к себе стул. Лидия попросила Рудину сначала описать обычный рабочий день, а не сразу вспоминать ночь исчезновения. Женщина сперва решила, что это потеря времени.

— Я вам скажу, кто куда ездил. У меня записано.

— Скажите. Только я должна понимать, что именно записано.

Рудина развернула тетрадь.

В строках были адреса, суммы, сокращения имён, галочки, стрелки на соседний день. Одни заказы внесены аккуратным почерком, другие — карандашом поверх. Часть разговоров проходила в сообщениях. Иногда постоянный клиент звонил водителю напрямую, затем они рассчитывались с диспетчерской. Иногда не рассчитывались и ссорились из-за того, чей вообще был клиент.

— Водители у вас работают по сменам?

— Если бы у меня были нормальные смены, я бы сейчас спокойно показала вам график. У них свои машины. У меня два постоянных человека на заказы, остальные берут, когда могут. Вадим чаще всех берёт вечерние. Тимофей сам по себе, ему не каждый заказ подходит.

— Брагин?

— Да.

— И общий аппарат бывает у них обоих?

— У Вадима точно. Тимофею давали тоже. Когда я уезжала. Он потом сказал, что больше не будет: люди звонят в шесть утра, им всё надо за полцены, а претензии мне.

Она усмехнулась, вспомнив старый спор, и сразу перестала.

— На ночь с четверга на пятницу кому передали?

— Вадиму. Я вечером уехала к дочери. У неё маленький. Вадим должен был закончить поддоны и отвечать, если кто позвонит. Утром я собиралась забрать.

— Забрали?

— Нет. У меня всё сдвинулось. Я со своего людям отвечала. А потом вы позвонили на личный, я стала искать аппарат.

— Вы звонили на общий утром в пятницу?

— Да. Не ответили. Потом Вадим перезвонил, сказал, что спал.

Титов попросил Рудину открыть переписку с Климовым. Когда стало ясно, что аппарат придётся забрать, она придвинула его к себе. Рудина успела спросить, как им работать без номера; Андрей предложил сначала переписать необходимые текущие контакты при нём и предупредить клиентов с её личного. Изъятие перестало казаться хозяйке наказанием за сам факт разговора.

Лидия положила перед ней фотографию Климова.

— Знаю, — сказала Рудина. — Вчера же сказала.

— Когда последний раз разговаривали?

Она открыла тетрадь в другом месте.

— Днём, на неделе. По каким-то станкам. Но я сейчас не буду день угадывать.

— Он просил перевезти людей?

— Нет.

Ответ был слишком быстрым. Рудина сама это услышала.

— При мне не просил. Может, водителям говорил. Я за каждого не могу...

— Что он просил у вас?

Рудина провела ногтем по строкам.

— Небольшую машину без грузчиков. Сказал, подъезд неудобный. Дальше они сами договаривались. Это бывает: я даю контакт, а потом мне говорят, что всё отменилось. Или ничего не говорят.

— Кому дали?

Она посмотрела на закрытую дверь, словно человек, которому дала контакт, стоял за ней.

— Я сказала позвонить на общий вечером. У меня тогда было трое свободных. Кто в итоге взял — спросите у них.

— Вы вчера им сообщили, о чём мы говорили?

— Конечно. Мне пришлось объяснить, зачем собирать бумаги.

— Что именно сообщили?

Рудина перечислила: Климов, перевозка, две пропавшие женщины. Лидия почувствовала раздражение и оставила его при себе. Она сама вчера сказала о двух женщинах, чтобы хозяйка вспомнила необычное. Теперь каждый связанный с диспетчерской знал, чего ищут.

— Хорошо. Сегодня мне нужно поговорить с ними по отдельности.

— Они внизу.

* * *

Носов пришёл первым. На правой стороне футболки у него темнело влажное пятно; он объяснил, что облился кофе, хотя никто не спросил. Поставил на стол ключи от автомобиля, сел, потом забрал ключи обратно.

— Я телефон вернул. Галина Петровна сказала, вы из-за него.

— Мы из-за людей, — сказала Лидия. — Телефон помогает понять, с кем они могли ехать.

— Я никого не возил.

— В четверг вечером что возили?

— Поддоны.

Он назвал придорожную точку общепита на правобережной дороге из Ярославля в сторону Тутаева. Рудина уже показала этот заказ: после вечерней разгрузки оставались пустые

поддоны, хозяин просил вывезти их обратно в Ярославль. Машина Носова была белой, грузовой, с закрытым кузовом.

- Во сколько закончили?
- Полдвенадцатого примерно.
- Человек, который принимал, помнит?
- У приёмщика спросите. Я пустой от него уехал, деньги получил.
- Дальше?
- Домой.
- С рабочим телефоном?
- Да.

Лидия дала ему рассказать про дорогу до дома, стоянку, звонок Рудиной на следующий день. Он отвечал уверенно до вопроса, где аппарат лежал ночью. Тут вместо места назвал действие:

- Я его не выключал.
- Я спросила, где он был.
- В машине мог оставить. Или дома. Я уже не помню.
- Вы говорите «мог». А что помните?

Носов сжал ключи. Металлический край оставил на пальце белую полоску.

— Я после работы уснул. Рудина утром до меня дозвонилась, я потом аппарат вернул. Он целый, сообщения на месте. Я не знал, что должен ещё запоминать, где его положил.

- Кто ещё пользовался машиной?
- Никто.
- Ключи кому-нибудь передавали?
- Нет.

Титов сидел у окна и записывал. Он не вмешивался, пока Лидия не показала Климова. Носов узнал его, признал два прежних заказа, затем неожиданно сам заговорил о Брагине.

— Он с Тимофеем больше. Я ему один раз шкаф отвозил, ещё железо какое-то. А они между собой договариваются.

- Вы присутствовали при их договорённости на эту ночь?
- Нет.
- Тогда расскажите про те, при которых присутствовали.

Носову это не понравилось. Он решил, что ему не дают сообщить важное, и начал торопиться: стояли возле бокса, Роман спросил про машину, Тимофей сказал, что посмотрит. Когда? Может, во вторник. Где именно? Возле магазина, не возле той мастерской, которую они теперь осматривают. О чём перевозка? Он не вслушивался.

— Мы проверим и ваши поездки, и то, что вы рассказали о Климове. Если сегодня вспомните, что аппарат был не в машине и не дома, позвоните до того, как это станет отдельной проблемой.

Он посмотрел на Титова.

— Меня задерживают?

— Сейчас вы пришли дать сведения, — ответила Лидия. — Мне нужен ваш номер и место, где вас можно найти. Оставаться здесь после разговора я вас не прошу.

Носов записал номер. На выходе обернулся, будто хотел что-то добавить, но спросил только, долго ли ещё будут держать общий телефон.

Брагин поднялся через несколько минут. Коротко постучал в открытую дверь и вошёл, не дожидаясь приглашения. Он был старше Носова, тяжелее в плечах. Садясь, поправил рулетку на поясе, чтобы не упиралась в бок.

- Галина сказала, что вы ищите двух женщин. Я их не видел. Про Романа спрашивайте.
- Когда последний раз видели Климова?

Он назвал встречу возле магазина на неделе. Не отрицал, что разговаривали про машину. Роман искал перевозку для каких-то вещей, обещал уточнить. Брагин отдал общий номер: пусть звонит тому, кто свободен, он не собирается держать вечер ради обещания.

— Он уточнил?

— Мне нет.

— На общий мог?

— Спросите, у кого он был.

— Где находились в ночь на пятницу?

— Дома.

— Кто может подтвердить?

— Никто. Я один живу. Телевизор работал, я уснул под него. Даже не скажу, когда.

— Какую машину используете?

— Серебристый фургон. Документы показать?

Он достал их сам. Лидия сверила данные, записала нужное и вернула.

— Личный телефон при вас?

— При мне.

— Климов на него звонил?

— Раньше да. В ту ночь нет.

— Вы готовы показать относящиеся к нему звонки?

Брагин подержал телефон в руке, затем положил обратно в карман.

— Я хочу сначала понять, что вы от меня хотите. Там вся жизнь. Клиенты. Не только ваш Роман.

Лидия предложила начать со звонков Климова, отдельно от остальной переписки. Брагин спросил, сможет ли сначала посоветоваться с юристом. Она объяснила порядок; он выслушал и продиктовал Титову свой номер.

— Женщин этих вы знаете? — спросила Лидия и показала фотографии.

Брагин посмотрел сначала на Асю, потом на Веру. Не задержался ни на одной.

— Нет.

— Возили кого-нибудь из них прежде?

— У меня грузовой фургон. Людей я не вожу.

— Вы сказали, что дома были всю ночь. Это и запишем как ваше объяснение. Поездки всё равно будем проверять.

— Проверяйте. Только машину не держите неделю, если ничего нет. Мне никто простой не оплатит.

Он поднялся, забрал документы и на пороге спросил, когда смогут закончить. Лидия ответила, что срок сейчас назвать не может.

У него зазвонил телефон. Брагин задержался у двери:

— Нет, не выносите пока. Я приеду, мы вдвоём... Зинаида Павловна, не тащите машинку одна. Оставьте у стены.

Он постоял, слушая. Согласился, что стиральная машина мешает в коридоре, ещё раз попросил дождаться его и пошёл вниз.

* * *

Рудина вернулась со своим остывшим чаем. Поставила чашку на край тетради, заметила мокрый круг и сердито переставила на календарь.

— Ну? — спросила она.

— Нам нужен контакт той точки с поддонами и человека, который принимал их в Ярославле, — сказала Лидия. — И ваши прежние заказы Климова. Все, которые сохранились.

Рудина стала искать номер Ольги, хозяйки придорожного кафе. Попутно объясняла, что та может не ответить днём, тогда лучше написать. Андрей записал оба контакта и отошёл к лестнице звонить.

— Я их всех знаю, — тихо сказала Рудина, когда он вышел. — Не вчера пришли.

Лидия не ответила сразу. Женщина ждала либо утешения, либо возражения; ни то ни другое сейчас не помогало.

— Вспомните, кто заходил к вам после разговора с Климовым. Даже если просто забирал бумаги. Не список характеров, а что происходило здесь.

Рудина кивнула. Перевернула тетрадь к чистой странице и взяла карандаш.

Лидия оставила ей время. Подошла к окну. На стоянке Носов стоял возле белого фургона и разговаривал по своему телефону, отвернувшись от лестницы. Серебристой машины уже не было.

Титов вернулся.

— Ольга ответила. После четырёх будет на месте, готова показать, что сохранилось. Говорит, в ту ночь ещё фургон видела.

— Чей?

— Не знает. Сказала: «Если приедете, объясню». Я не стал ей цвета перечислять.

Лидия посмотрела на часы. До четырёх оставалось несколько часов, за которые надо было успеть поговорить с семьёй о деньгах и закончить работу по Векшину. Она попросила Андрея готовить поездку и вышла вслед за ним.

На лестнице колёса уже убрали. Освободившееся место оказалось неожиданно узким: пока они здесь сидели, кто-то принёс ещё одну коробку и поставил у стены.

Глава 8. Пятнадцать литров

На второй день в новой комнате Вера поняла, что у воды тоже бывает дно.

В раковине остался один глоток, и тот вытек ржавой струйкой. Она ещё раз повернула кран, подождала, закрыла. Ася сидела на кровати и смотрела, как Вера проверяет пустой кран. Между ними стояла канистра; мужчина принёс её из-за перегородки утром и сказал, чтобы пользовались экономнее.

Вера опустилась на корточки. На боку было выдавлено «15». Она попробовала поднять канистру за ручку, но отбитый край врезался в ладонь. Пришлось обхватить её обеими руками.

— Держи бутылку.

Ася встала не сразу.

— Мне надо умыться.

— Всем надо. Держи.

Вода полилась через край горловины, несколько капель попало на бетон. Ася двинула бутылку, стараясь подставить точнее. Вера поправила хват; бок отозвался болью. Они наполнили бутылку, затем вторую — вчерашнюю, которую Вера подобрала у кровати.

— Эту пьём, — сказала она. — Другую пока не трогай.

— Ты думаешь, он больше не принесёт?

— Я думаю, хочу знать, сколько у нас есть.

Ася закрыла бутылку так туго, что потом сама не смогла открыть. Вера забрала, провернула крышку и вернула молча. Женщина уставилась на неё.

— Не надо со мной так.

— Как?

— Будто мне шесть лет.

Вера поставила канистру на пол. В комнате запахло пластиком и сырой тканью. Со вчерашнего дня её собственная футболка под курткой липла к спине. Хотелось вымыться целиком, сесть на чистый стул, выпить горячего чая из чашки. Хотелось, чтобы рядом не было человека, который ждёт от неё сразу и помощи, и учтивости.

— Тогда откручивай сама, — сказала она.

Ася отвернулась. Вера поняла, что сказала лишнее, но извиняться не стала. Села на свою кровать. Бурая ткань тихо заскрипела под матрасом.

Первый день здесь они в основном спали. Просыпались от ключей, шагов, от собственной затёкшей руки. Мужчина принёс хлеб, два плавленых сырка, пакет яблок. Яблоки были мытые, с каплями в углублениях возле черенков; почему-то именно эта подробность заставила Веру заплакать. Она отвернулась к стене и долго делала вид, что кашляет. Человек, который помыл им яблоки, забрал обеих у другого человека рядом с лужей крови.

Сегодня сон уже не спасал. День тянулся без начала и конца. Вера решила, что наступила суббота: после ночной дороги был один полный светлый промежуток и одна ночь. На стене она ногтем провела короткую полоску по пыли. Ася посмотрела.

— Зачем?

— Дни считать.

— Сегодня шестнадцатое.

— Вот и хорошо, что обе думаем одинаково.

Вера провела рядом вторую черту, потом стёрла: считать следовало дни здесь или вообще? Оказалось, даже для этого надо было сначала договориться.

Ася пошла к двери. Она ходила туда каждые полчаса, прикладывала ладонь к крашеному железу, прислушивалась. Вера сначала делала то же. Теперь ей было жалко сил.

— Он не приходил, пока ты спала? — спросила Ася.

— Нет.

— Может, я поговорю с ним.

— О чём?

— Чтобы он дал позвонить. Вчера обещал.

Вера подняла голову. Обещания она не слышала.

— Когда?

— Когда принёс хлеб. Я спросила, можно ли с мужем. Он сказал: потом.

— «Потом» — это удобно. У меня клиенты тоже так иногда платят.

Ася обернулась резко, будто Вера плюнула ей под ноги.

— Зачем ты всё время смеёшься?

— Потому что иначе орать буду.

Некоторое время они молчали. Затем Ася села на пол у двери и действительно заплакала. Громко, раздражённо, злясь на слёзы. Вера смотрела в окно под потолком. Достать до него можно было, если поставить кровать на бок и забраться, но решётка оставалась на месте. В первый день она уже пробовала пошевелить нижний прут через просвет. Прут не поддавался. Кровать складывалась под ногой, и Ася поддерживала её снизу. После этого они вернули всё как было.

Сейчас Вера встала, взяла бутылку и подошла к Асе.

— Попей.

Та помотала головой.

— Не командуй мной.

— Хорошо. Я рядом поставлю.

Она оставила бутылку и вернулась на кровать. Через несколько минут услышала, как открылась крышка.

* * *

Мужчина пришёл с пластиковым тазом. Увидел Асю на полу, остановился. Ткань закрывала лицо, на руках были тонкие рабочие перчатки. В одной ладони он держал таз, в другой пакет.

— От двери отойди.

Ася поднялась. Он поставил таз на пол, бросил в него кусок мыла и две зубные щётки в упаковках. Вера смотрела на щётки, стараясь не выдать, как сильно ей их хочется. Одна была зелёная, другая красная. Совсем обычные, с мягкой щетиной под прозрачным колпачком.

— Воду надо, — сказала она. — Кран пустой.

— Есть канистра.

— В ней уже мало. Мы её пьём.

Он посмотрел на канистру. Вера заметила, что он старается не поворачиваться к ним спиной. Из-за этого простая проверка воды потребовала нелепого бокового шага, и край таза задел его ботинок. Он оттолкнул таз носком.

— У вас пятнадцать литров за день кончились?

— Она полная не была. Понюхай ещё: стояла долго. Мы не можем из неё и пить, и ведро мыть.

Он остановился у перегородки. Вера ждала, позволив ему самому увидеть ведро. Он отодвинул фанеру, заглянул и поморщился.

Ася подошла ближе.

— Мы хотим поговорить. За меня должны были заплатить. Если денег недостаточно, надо сказать Олегу точно. Он...

— Отойди.

— Вы обещали.

Мужчина поставил пакет на кровать. Ему пришлось сделать это быстро: Ася уже стояла между ним и дверью. Он взял её за локоть, отвёл в сторону. Она вскрикнула, и Вера сразу сказала:

— Правая у неё больная. Я говорила.

Он отпустил. Несколько секунд смотрел на обеих, потом достал телефон.

— Здесь живые сидите. Значит, всё нормально.

— Для кого? — спросила Ася.

Вера увидела, как у него поднялось плечо. Он убрал телефон, шагнул к двери и сказал, что вернётся. Ася хотела пойти за ним, но Вера поймала её за кофту.

Железная дверь закрылась. Снаружи скользнул засов. Второго щелчка, как утром, не было.

— Он рядом, — сказала Вера.

— Я слышу.

— Я не про то. Когда уходит, он ещё замок закрывает. Сейчас только задвинул.

Ася посмотрела на дверь. Вера подошла к старому проёму рядом. Доски были прибиты снаружи; изнутри торчали шляпки лишь у двух поздних накладок. Выщербленный край нижней доски оставлял щель. Вчера через неё почти не было света. Теперь там двигалась тень.

Вера опустила на колени. За щелью стоял ещё один кусок дерева, поэтому посмотреть в соседнее помещение не получалось. Она осторожно тронула край, почувствовала, как заноза зацепила кожу, и убрала руку.

Ася присела рядом.

— Можно отломать?

Вера приложила ладонь к доске, нажала. Та не сдвинулась.

— Руками пока никак. И он услышит.

За стеной загремела вода. Мужчина ругался негромко, словно разговаривал с краном. Потом загудел моторчик. Через минуту в их раковине появился напор, сперва с воздухом, затем ровный. Вера повернулась к Асе, и они обе одновременно вскочили.

Пока вода шла, Ася наполняла таз, Вера ополаскивала бутылки. Мужчина открыл дверь и застал их за этим. Взял ведро, вынес его в проход. Вернулся с пустым. Поднял канистру, посмотрел на отбитую ручку, переставил её за перегородку.

— Не оставлять открытым, — сказал он, показывая на кран. — Выйду — выключу.

Вера удержалась от вопроса, что именно выключит. Ему было проще сказать лишнее, если она молчала. Но он больше ничего не объяснил. Забрал мусор и ушёл.

Теперь за засовом щёлкнул замок.

* * *

Они умывались по очереди. Ася намылила волосы у висков, Вера помогла смыть, поддерживая её голову над тазом. Больная рука уже двигалась лучше, но поднять её над головой Ася не могла. Вода быстро потемнела. Вера вылила её в раковину. Из крана уже не текло; чистую воду пришлось снова отливать из канистры.

— Красную мне? — спросила Ася, показывая на щётки.

— Бери любую.

— Я спрашиваю, какую ты хочешь.

Вера посмотрела на неё. Это был первый за день вопрос, в котором от неё ничего не требовалось.

— Зелёную.

Ася протянула зелёную щётку, распечатала свою. Зубной пасты мужчина не принёс, и они чистили зубы водой. Вера вспомнила, как Митя маленьким глотал пасту, утверждая, что она клубничная. Пришлось прятать тюбик на верхнюю полку. Потом он вырос и однажды сам переставил туда какой-то раствор, чтобы она не перепутала с водой. Ей не понравилось, и она устроила ему длинную лекцию о том, кто здесь кого растил.

Воспоминание пришло целиком, вместе с бесполезной злостью того дня. Вера сплюнула в раковину и рассмеялась.

Ася повернулась.

— Что?

— Ничего. Сын вспомнился. Я на него глупо ругалась.

— Ты могла потом сказать.

— Думаешь, я не сказала? Конечно, сказала. А потом ещё раз поругалась. За другое.

Ася улыбнулась. Улыбка быстро исчезла, но Вера успела её увидеть.

Они сели на кровати, положив щётки каждая возле своего матраса. В пакете оказались хлеб, варёные яйца и соль в маленьком бумажном свёртке. Ася очистила одно яйцо для Веры. Тонкая плёнка плохо отходила, белок рвался. Она виновато показала результат.

— У меня всё не получается сегодня.

— Зато чистить меньше надо. Всё на скорлупе осталось.

Они ели медленно. Соль прилипала к мокрым пальцам. Вера разделила хлеб на две части, потом увидела, что одна заметно больше, и отломил от неё край. Ася сказала, чтобы она взяла себе, ей всё равно не хочется.

— Ешь. Потом захочется, а его уже не будет.

Ася подняла на неё глаза. Вера остановилась.

— Опять команду. Ладно. Как знаешь.

Та всё-таки взяла хлеб.

После еды Вера собрала скорлупу и упаковки в пакет. Пакет ей понравился: большой, плотный, не рвался. Хотелось оставить его для чего-нибудь полезного, хотя пока она не могла придумать для чего. Вера разровняла стенки, сложила пополам.

— Ты думаешь, он нас выпустит? — спросила Ася.

Вера села на край кровати.

— Я думаю, нам надо самим попробовать.

— Как?

— Ещё не знаю.

Ася долго смотрела на неё, потом кивнула. Вера почувствовала странное облегчение от того, что смогла произнести эти четыре слова. До сих пор от неё ждали направления. Как будто где-нибудь за кроватью была карта, которую она уже изучила и не хотела показывать.

— Давай так, — сказала Ася. — Если ты что-нибудь заметишь, говори мне. Я тоже буду говорить. Даже если глупость.

— Хорошо.

— И когда он придёт, не перебивай меня сразу. Я могу договориться о чём-то.

Вера отвернулась к двери. Хотела напомнить про обещанный звонок, но вместо этого посмотрела на таз с чистой водой. Об этом договорилась она сама. Ей не хотелось отдавать женщине напротив даже такое маленькое первенство.

— Я попробую, — сказала Вера. — Только если он тебя за руку берёт, я молчать не буду.

— Не молчи.

Ася легла, накрылась кофтой до подбородка. Вера ещё посидела, прислушиваясь к зданию. В соседнем помещении ходили. Один человек, одни шаги, но этого было достаточно, чтобы обе кровати стали клетками.

Она подняла зелёную щётку, посмотрела на неё и осторожно засунула ручку под матрас. Щетина осталась снаружи — сохнуть. Потом взяла пакет из-под еды, сложила ещё раз и положила туда же. Небольшие собственные вещи меняли комнату. Теперь здесь появилось что-то, что она решила сохранить сама.

Глава 9. Свои деньги

Олег приехал с пакетом из продуктового магазина. В нём были документы, зарядное устройство и белая рубашка, свёрнутая так плотно, что воротник торчал из рукава. Софья привезла плоскую папку с разделителями. Они поставили свои вещи на два соседних стула и сели через один, оставив между собой свободное место.

Лидия попросила сначала показать документы о деньгах.

— Здесь всё, что вы просили, — сказала Софья. — По выплатам Асе, по снятию. Бухгалтер сделала копии. Только она, конечно, уже спросила зачем. Я сказала, что проверяют личные расчёты.

— О похищении она знает?

— Знает, что Ася пропала. Разницу, надеюсь, понимаете.

Олег расправлял бумаги на колене. Один лист попал между складками рубашки; он вынул его, отряхнул, хотя стряхивать было нечего, и положил поверх остальных.

— Это договор с Лариным. Вчера вы его не видели.

Лидия взяла копию. Девять миллионов. Олег Невельский — заёмщик, Александр Ларин — заимодавец. Подписи, дата, условия возврата. На отдельном листе подтверждалось получение наличных. Никаких слов о переходе мастерской или доли Аси в прачечных там не было.

Софья наклонилась посмотреть.

— Вот этот лист я тоже впервые вижу.

— Я тебе сказал, что взял.

— Ты вчера сказал, что есть договор. Что в нём написано, я не видела.

Олег поднял на неё глаза.

— Соня, он девять миллионов дал. Я не собирался торговаться с ним до утра.

— Не называй меня так.

Лидия перелистнула договор, не вмешиваясь. Вчера Софья узнала, кому Олег теперь должен. Сегодня могла прочесть, как долго этот долг останется с ними, если деньги не вернут быстро.

— Оригинал где?

— У меня дома. Здесь копия, вы так сказали привезти. Второй экземпляр у Александра.

— Кто был при передаче?

Олег назвал только себя и Ларина. Лидия записала. Она не стала сейчас читать вслух условия, от которых зависела их жизнь через несколько месяцев; сначала требовалось отделить реальную передачу от того, что Олег объяснял сестре жены.

— Как вы связались с ним?

— Позвонил. Сразу сказал, для чего. Он сказал, что привезёт. Потом приехал с пакетами.

— Откуда вы знали, что у него есть девять миллионов наличными?

Олег потёр ладонями колени.

— Он на прошлой неделе заезжал к нам. Машину оставлял. Рассказывал, что продал дачу, собирается брать помещение под склад. Я не спрашивал сумму. Просто запомнил, что деньги у него есть. В тот вечер я всем звонил, кто мог дать. Не одному ему.

— Кому ещё?

Он достал телефон. Сначала открывал отдельные контакты, потом Лидия попросила пройти по журналу звонков за четверг. На экране шли клиенты мастерской, знакомые, двое родственников. Один человек обещал сто тысяч, другой предложил приехать утром, третий не ответил. Ларин в этом списке стоял ближе к концу.

Софья смотрела в окно. На словах о родственниках повернулась к Олегу.

— Ты тёте Лене тоже сказал?

— Я сказал, что срочно нужны деньги.

— Она больная.

— Я не стал ей говорить зачем.

— Теперь она звонит мне.

Олег прижал большой палец к тёмному экрану и ничего не ответил. Лидия попросила переслать контакты тех, кому он сообщил настоящую причину. Список оказался короче, чем список просьб о деньгах, но не пустым. Теперь нужно было выяснять, кто что слышал, когда и кому передал дальше.

— Вы сказали вчера, что первые девять миллионов были ваши, — продолжила Лидия.

— Ася участвовала и в шести, отложенных на помещение, и в трёх оставшихся?

— Да. Это были наши общие деньги.

— Шесть миллионов были сняты для конкретной покупки. Вы их держали дома, а другие три миллиона собирали отдельно. Я правильно поняла?

— Да.

— Ася знала, где лежат все девять?

Олег посмотрел на Софью прежде, чем ответить.

— Да. Она сама место выбрала. Это не тайник какой-то. Металлический шкаф.

— Кто ещё знал?

— Про покупку — много кто. Про наличные — не знаю. Ася могла Соне сказать.

— Сказала, — подтвердила Софья. — И я ей сказала, что это глупо. Продавцу было удобно получить наличными, а им почему-то стало неудобно предложить расчёт через банк.

— Мы ничего не скрывали, — возразил Олег. — Деньги сняты со счетов. У тебя все бумаги.

Софья пододвинула папку Лидии. На выписках были даты задолго до похищения. Деньги, выделенные супругами для покупки помещения, уже стали их личными: часть поступила после выплат из бизнеса Аси, часть была Олеговой. Они не вынимали вечером из касс прачечных всю дневную выручку. Но рассказ о «наших девяти миллионах» скрывал другую потерю: покупка, на которую они рассчитывали, теперь зависела от того, когда и что им удастся вернуть.

— Продавец об этом знает? — спросила Лидия.

— Что покупка откладывается — знает, — ответил Олег. — Ещё вчера позвонил.

— Причину называли?

— Сказал, семейное несчастье.

Лидия попросила его контакт. Олег записал номер на обороте чека из пакета, затем сам попросил чистый лист и переписал: на чеке плохо различались цифры.

* * *

Когда разговор дошёл до порядка передачи выкупа, Софья вынула из папки сложенную пополам бумагу.

— У меня ещё вот. Может быть, это поможет.

На листе было пять названий и несколько телефонных номеров. Рядом с двумя названиями стояли отметки ручкой. Лидия узнала один из адресов, который уже проверяли после обнаружения мастерской.

— Откуда список?

— Человек помог собрать.

— Что за человек?

— Сергей Дёмин.

Софья произнесла имя так, словно оно подтверждало надёжность.

— Он знает людей, которые сдают помещения. Сказал, будет спрашивать, где недавно брали на короткий срок. Я не думаю, что это мешает вашей работе.

— Вы дали ему сведения о поездке Аси?

— То, что уже было известно. Не ваши бумаги.

— Какие именно сведения?

Софья начала говорить про предложение оборудования, гаражи, про то, что женщины не могли исчезнуть бесследно. Лидия остановила её:

— Покажите переписку. С вашего согласия, сейчас. Мне нужны сами сообщения, а не то, как вы помните разговор.

Софья долго разблокировала телефон. Сработал только код; лицо аппарат не узнал. Лидия видела, как она сердится на устройство, чтобы не сердиться в эту минуту на себя.

Переписка начиналась с обычного «День добрый». Потом шло краткое описание: сестра пропала, деньги переданы. Следующим сообщением Софья переслала предложение приехать посмотреть оборудование. Дёмин ответил, что имеет смысл спрашивать у тех, кто возит промышленные машины: кто-то должен был доставить их на склад.

— Это вам Ася присылала?

— Да. Обсуждали, стоит ли ехать. У вас это есть, я передавала.

— И дальше не рассылайте.

Олег взял телефон у неё из рук раньше, чем Лидия успела остановить. Софья сразу потянулась за ним.

— Отдай.

— Ты ему про восемнадцать написала?

— Отдай телефон, Олег.

— Ты написала постороннему человеку, сколько денег было дома и сколько я взял!

Он не кричал. Тише стало от того, что каждое слово ему приходилось проталкивать через стиснутую челюсть. Лидия поднялась и попросила положить аппарат на стол. Олег положил перед Софьей, экраном вниз.

— Я написала сумму выкупа. Не где деньги были.

— А ему какая разница? Он уже знает, что мы нашли восемнадцать. Теперь будет искать ещё.

— Он не похититель.

— Откуда ты знаешь?

Софья повернулась к Лидии.

— Вы скажите ему. Если человек согласился помочь, это не значит, что он...

— Я не знаю этого человека. И не могу за него поручиться.

Софья откинулась на спинку стула. Олег смотрел в пол, будто ожидал, что победа в споре принесёт ему облегчение, и не получил его.

— Он взял оплату? — спросила Лидия.

— Да. За поездки и время.

— Сколько?

— Тридцать тысяч пока.

— Какая работа оговорена?

Софья снова взяла телефон и открыла сообщения. Дёмин обещал расспросить знакомых, собрать адреса пустовавших помещений и передать ей всё, что покажется связанным с исчезновением. Ни доступа к полицейским базам, ни возможности отследить любой телефон он в переписке не предлагал. Его уверенность была осторожнее той, с какой Софья говорила о нём вслух.

Лидия записала номер. Попросила сохранить переписку целиком и сообщить Дёмину, чтобы найденные сведения он передавал напрямую указанному сотруднику. Софья тут же

хотела позвонить, но Лидия остановила её: сначала следовало выяснить, что именно ему известно и куда он уже ездил. Напуганный посредник мог начать поправлять собственную историю прежде, чем с ним поговорят.

— Вы хотите, чтобы я вообще ничего не делала? — спросила Софья.

Она впервые говорила тихо. Тон деловой женщины, приехавшей на неприятное совещание, исчез, и Лидия увидела, что всё утро Софья держала его с усилием.

— Я хочу знать, кто сейчас от вашего имени спрашивает о двух похищенных женщинах. Он может прийти к человеку, который их удерживает, и сам не понять этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.